ГАЙ СЕВЕРИН

Избранники вечности

Смерть это лишь начало

книга первая

Гай Северин

Избранники вечности. Книга 1. Смерть – это лишь начало

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Северин Г.

Избранники вечности. Книга 1. Смерть – это лишь начало / Г. Северин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Начало XX века. Изысканный аристократ, успешный юрист, любимец женщин, разбиватель сердец... Казалось бы, есть все, что можно желать, но гордыня, самоуверенность и неуемное любопытство толкнули молодого француза поспорить со Смертью и Судьбой. Умереть, чтобы жить вечно, — парадокс, открывающий безграничные возможности. И не важно, насколько высока цена. Сохранить человечность или низвергнуться во тьму? Таинственный сверхъестественный мир скрывается под покровом ночи. Оборотная сторона блистательного Парижа раскрывает свои мрачные тайны.

© Северин Г., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог 5
Часть 1. Уйти, чтобы остаться 6
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 30
Глава 7 37
Глава 8 43
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Пролог

Один известный человек сказал: "Увидеть Париж и умереть". Мечта сбылась, предел достигнут. Не соглашаясь с классиком, для себя я решил, что хочу жить в этом городе вечно, а мои желания, как правило, исполняются. Абсурдность лишь в том, что для этого мне пришлось уйти из жизни.

***

Правильность принятого решения грела пока еще бьющееся сердце, и я быстро добрался до своей квартиры. Тщательно запер окна и двери, чтобы приглушить звук выстрела, затем потушил свет. Почему-то в темноте было не так страшно, терялась реальность происходящего, и воспринималось все как какая-то игра, а не по-настоящему ужасающий поступок, на который я готов пойти. «Ну, все, Джори, не будь слабаком, ты знаешь, чего хочешь, так нечего дальше тянуть».

Проверив, заряжен ли пистолет, я снял его с предохранителя и поудобнее устроился на диване. Наверное, это глупо, но не хотелось падать на пол.

Сбросив пиджак, я остался в сорочке и лег на спину. Потом, собравшись с духом, приставил браунинг к виску. Вслушиваясь в оглушительные удары сердца, которое билось так, будто знало, что сейчас ему суждено остановиться, я закрыл глаза, глубоко вздохнул и, сцепив зубы, спустил курок.

Часть 1. Уйти, чтобы остаться

Глава 1

1913 г. (Париж)

Очнулся я резко, глотая воздух, будто долгое время не мог выплыть на поверхность из глубины, и первым делом схватился за голову. Волосы слиплись от засохшей крови, только это и говорило, что я все-таки осуществил задуманное. В остальном никаких особых изменений я не ощутил. Потрогал пальцем зубы. Как глупо, сам усмехнулся. Ждал, что изо рта сразу будут торчать клыки как у саблезубого тигра?

Потом я встал. Тело немного затекло за время, пока был неподвижен, но на мертвого или, тем более, на бесплотный дух я не походил. Внезапно пришел запоздалый страх, а с ним и заблудившийся здравый смысл. На висках выступила испарина, а сердце отчаянно заколотилось. «А ведь в него-то и нужно было стрелять! – осенило прозрение – Кем бы я очнулся, если бы мозги разлетелись по комнате?».

Нужно проверить, не повредился ли рассудок.

Меня зовут Джорджес Блез Ансело – истинный француз, аристократ по происхождению и джентльмен по воспитанию. Юрист. Возраст – двадцать пять лет. Сейчас сентябрь 1913 года. Кажется, все помню и осознаю. Значит, голова в порядке, амнезии нет. А может, просто приснился странный сон, и я не совершил немыслимый поступок, который кроме как постболезненным помешательством не назовешь? Или это затянувшееся состояние аффекта, когда я посчитал себя всесильным и всемогущим, избежав неминуемой смерти?

Я включил свет и огляделся, рассеивая сомнения вместе с мраком. Диван в крови, в спинке аккуратное отверстие. Выстрел в упор, немудрено, что пуля прошла навылет. Зачем-то вытащил ее, она застряла в дереве. Софу придется заменить, а вот кусочек свинца захотелось оставить на память. Хорошо, хоть на звук выстрела никто не отреагировал, а то вызвали бы соседи полицию, и очнулся труп в морге – сенсационная новость для желтой прессы.

Итак, безумный план сработал, я жив. Невероятно, но это так. Однако в себе я ничего нового пока не обнаружил, никаких изменений. Попробовал поднять искалеченный диван одной рукой – приподнял с трудом, невероятной силой даже не пахнет. Что я сделал не так? В чем ошибся? Или это все сказки насчет особых способностей? Мне бы радоваться, что остался жив после глупой авантюры, но я чувствовал себя обманутым.

Что я знал об обращении в вампира? Только то, что, умерев с кровью этого существа в организме, воскреснешь в новом качестве. Возможно, должно быть что-то еще, и нужно как можно скорее это выяснить. Самое время вернуться в родительский дом и дождаться прихода лорда. Вряд ли я в ближайшее время найду другого кровопийцу, способного все объяснить. Это, конечно, очень рискованно – показываться ему на глаза, но не оставлять же отца одного, да и время может быть упущено.

Уже вечер, а застрелился я поздней ночью, значит, пролежал больше двенадцати часов. Мой старик наверняка переживает, а вампир обещал появиться нынче же. Значит, пора отправляться на встречу с создателем и с судьбой. Приняв душ, я переоделся. Выбрав лучший повседневный костюм и свежую белоснежную сорочку, почувствовал себя вполне готовым к любым обстоятельствам и неожиданностям. Привычным жестом откинул непокорную челку и вышел из дома.

Отец ждал меня. Я нашел его в комнате Ноэми. При взгляде на молчаливое страдание, вновь кольнуло чувство вины за то, что чуть было не оставил его совершенно одного. До сих

пор оставалась вероятность полного провала, если не узнаю способ завершить превращение или не уговорю Гэбриэла сохранить мне жизнь.

Гаэтан поднялся, встрепенувшись.

– Сынок, где ты пропадал весь день? Я начал волноваться.

Я слегка похлопал его по плечу.

– Все в порядке, отец. Я был у себя. Прости, что пришлось уйти без предупреждения.

Он слегка улыбнулся одними губами. Глаза оставались печальными, страдающими, но и немного настороженными. Смотрит так, будто ждет, что начну задавать вопросы о своем чудесном исцелении и личности таинственного гостя. Наверное, придумал версию, готовый соврать мне впервые в жизни. Я сам себя в тот момент ненавидел за то, что придется добавить ему переживаний, но сделанного не воротишь.

– Конечно, Джори, не слушай старика. После всех событий, что свалились на нас, я боюсь потерять и тебя тоже. Боюсь настолько, что на все пойду, – говорил он очень серьезно с волнением в голосе. – А сейчас я просто счастлив, что ты поправился.

– Знаю, отец, – опустив взгляд, произнес я, вот и момент истины. – Я знаю, на что ты осмелился, чтобы вылечить меня.

Гаэтан был донельзя удивлен, смотрел со смесью тревоги и недоверия. Конечно, он же не догадывается, что я в курсе его связей с вампирами.

– Прости. Уверен, что ты никогда не пожелал бы мне подобной участи, но я принял решение, и уже ничего не изменить. Я хочу жить именно так, а не иначе. Возможно, это самая большая ошибка, но я сделал выбор.

Такого ужаса на лице отца я еще не видел. Представляю, как скачет его пульс, казалось, что я его слышу. Вполне возможно, так и было, ведь превращение уже должно начаться.

– О чем ты, сынок? – я буквально чувствовал, как он внутренне холодеет в ожидании ответа и отчаянно надеется, что развею его опасения. – Что ты сделал?

Я молча вытащил из кармана пиджака револьвер и протянул ему. Гаэтан пошатнулся, я поддержал его, усадив обратно в кресло. Бледный и раздавленный ужасным осознанием происходящего, отец не мог вымолвить ни слова, только качал головой, отрицая, не в силах смириться с правдой. Я чувствовал себя предателем и подлецом. Надо же быть настолько эгоистичной сволочью, чтобы добивать старика в такой тяжелый период.

– Зачем, Джори? – простонал он. – Откуда ты вообще проведал об этом?

– Я давно в курсе, лет с четырнадцати. Знаешь же мое любопытство. Я видел твой дневник. Прости, отец, я не хотел доставлять тебе страданий. Но второго такого шанса могло и не быть.

Тут отец как будто очнулся, в его глазах зажегся гнев.

– Ты даже не представляешь, с кем имеешь дело! – вскричал он. – Этот вампир сотрет нас в порошок! Думаешь, я старался для этого? Полагаешь, я вкладывал силы для того, чтобы моя семья сгинула в один момент? Я умолял лорда сохранить тебе жизнь, а ты взял и растоптал, свел все усилия на нет! Бестолковый мальчишка! – его голос набрал силу, сейчас он вновь походил на волевого и твердого мужчину, а не убитого горем старика.

Стало неуютно под взглядом, мечущим молнии.

– Отец, прошу тебя. Я все решу. Знаю, на что иду и чего хочу, поверь мне. Я справлюсь, – пытался я его убедить, хотя вовсе не был настолько уверен в своих силах, как пытался показать.

Гаэтан горько покачал головой, плечи его вновь поникли.

– Я дал обещание. Неважно по каким причинам, но я его не сдержал. Гэбриэл и разбираться не станет. Ему нет дела до наших бед и несчастий. Я не настолько ему полезен, чтобы нарушать договор безнаказанно. Вампиры – не люди, человеческая в них лишь оболочка. А теперь и ты такой же. Но, боюсь, ненадолго, ровно до тех пор, пока лорд не узнает, что мы не вняли его указаниям. Что же, видно, судьба такая. Чему быть, того не миновать.

Меня поразила обреченность в его голосе. Никогда не подумал бы, что отец так легко сдастся. Я готов бороться до конца. На время я оставил его, ему нужно обдумать произошедшее, принять или смириться, а сам отправился на кухню.

Я не ел больше трех суток, с тех пор как появились симптомы менингита. Достав из буфета все, что имело съедобный вид, я с жадностью накинулся на пищу. Просто варвар дикий, а не человек из культурного общества. Хватал куски руками, забыв столовые приборы, и едва не чавкал от удовольствия. Однако, почти опустошив продуктовый шкаф, я лишь слегка приглушил голод. Что это? Один из факторов обращения? Возможно, я на верном пути.

***

Древний вампир явился около полуночи. Расстроенный, но старающийся держать себя в руках, отец вежливо проводил его гостиную и предложил выпить.

– Лорд Гэбриэл, – обратился он к гостю, – познакомьтесь с моим сыном Джори.

Величественный мужчина спокойно протянул руку для приветствия, и я ответил тем же. Он задержал рукопожатие несколько дольше, чем необходимо, пристально вглядываясь в мое лицо, заставляя непроизвольно занервничать. Некоторое время мы оценивающе разглядывали друг друга.

Выглядел гость, надо сказать, весьма эффектно. Слишком молодой, чтобы легко поверить в утверждение отца, что ему около восьмисот лет. Однако взгляд, бьющий мудростью всех философов и мыслителей прошлого и настоящего, говорил за себя. От такого вряд ли что-то скроешь, насквозь видит. И едва ли я встречал еще человека с такой королевской осанкой, не говоря о манерах. В общем, впечатление он производил сильное. Но ожидаемой жестокости в его глазах я не заметил, равно как и жажды убийства, вопреки уверениям отца.

Значит, я не ошибся. И кровопийца способен не потерять человеческий вид, а наоборот, выгодно отличаться от большинства представителей людской массы. И если мне повезет сегодня, то передо мной явный образец для подражания.

– Рад, что ты в добром здравии, Джори, – первым нарушив молчание, начал разговор вампир.

– Благодарю, лорд, – ответил я в тон.

Он кивнул, продолжая в вежливом равнодушии переводить взгляд с меня на Гаэтана. При этом излучал абсолютное, но обманчивое спокойствие.

– Думаю, благодарить меня есть причины помимо твоего исцеления, – не меняя окраски голоса, заметил Гэбриэл, выдерживая паузу, давая нам возможность признаться самим.

Неужели кровопийца способен чувствовать все столь остро? Или это многолетний опыт?

– Я объясню, – начал было Гаэтан.

Я знал, что он не останется в стороне, но не мог допустить, чтобы гнев вампира пал на него.

– Нет, отец, позволь мне, – перебил я твердо и посмотрел на древнего в упор; в его глазах медленно разгорались ледяные огоньки ярости и угрозы. – Я поступил самовольно, заставив тем самым отца нарушить слово, и полностью беру ответственность на себя.

– Джори! – с отчаянной мольбой в голосе вскричал родитель, потом повернулся к вампиру: – Да, он поступил опрометчиво и необдуманно, он еще мальчишка. Но он мой единственный сын!

Гэбриэл скривил ироничной усмешкой уголок губ, Глаза, посрамившие холодом айсберг, не выражали ни капли сочувствия или жалости.

– Это говорит лишь о том, Гаэтан, что ты плохо его воспитал.

Отец покаянно опустил голову, не споря, но во мне тоже начал разгораться гнев. Древний он или нет, но какой-то заносчивый кровопийца не смеет отчитывать Гаэтана, как ребенка.

– Отец не виноват, – с вызовом произнес я, зная, что сильно рискую, не слишком умно – грубить в сложившейся ситуации. – Это давно было моим желанием, и я не мог не восполь-

зоваться выпавшим шансом. Жаль, что пришлось подвести при этом родителя. Однако другой возможности могло не быть.

Самообладание – непременное качество аристократа, когда вместо того, чтобы повысить голос, приподнимаешь бровь. Именно это и сделал лорд, в ответ на мою наглость.

– Кто желает стать убийцей добровольно? – поинтересовался он, как мне показалось, даже с некоторым интересом, проявляя чудеса выдержки, хотя я был уверен, что он очень зол.

– Я хочу не убивать, а получить способности. Уверен, что есть возможность избежать потери человечности. Вы тому пример. Я справлюсь, – твердо ответил я, хотя и лукавил, конечно, такой уверенности вовсе не чувствовал.

– Так думает каждый глупец, не осознающий, что творит. А потом, оставляя за собой гору трупов, убеждается в собственном невежестве, но, уже не в состоянии что-либо изменить, опускается все ниже, – резко остудил меня Гэбриэл, наконец, выражая хоть какие-то эмоции. Гневно сверля меня углями глаз, он высокомерно бросил: – Если я не убью тебя сейчас, то ты, самовлюбленный юнец, пополнишь ряды бездушных кровопийц быстрее, чем осознаешь это.

– Так научите! – вырвалось у меня вопреки здравому смыслу.

Скорее всего, это отчаяние выдало такую безумную идею, ведь если он убьет меня, то отец не протянет долго один. Горе уничтожит его.

Гэбриэл выдерживал паузу, глядя с проблеском заинтересованности, вероятно, удивляясь моей дерзости. В тишине мы ожидали его приговора. Теперь понимаю, как ощущают себя осужденные на смерть в преддверии казни. Потом лорд нарушил молчание:

– Я считаю, что существует три возможности решения проблемы. Могу убить вас обоих, но я не люблю разбрасываться полезными ресурсами, вроде твоего отца. Могу развернуться и уйти, забыть о тебе, но ты вскоре бросишься на поиски жертвы, чтобы завершить обращение, и, не сумев остановиться, еще до восхода солнца совершишь первое, но далеко не последнее в эту ночь убийство. Это неизбежно, как смерть и налоги. Или третий вариант: я вынужден буду потратить несколько ночей драгоценного времени, чтобы обучить тебя всему, что следует знать, и, возможно, ты еще сможешь отплатить за мое великодушие.

Третий вариант мне, разумеется, понравился больше, поэтому я с поспешной горячностью воскликнул:

– Вы не пожалеете, если потратите свое драгоценное время, – прозвучало, как сарказм, но я действительно был бы ему очень благодарен.

У вампира опять дрогнули губы в мимолетной улыбке.

– Я надеюсь, – и, помолчав, принимая окончательное решение, он вынес вердикт: – Ночь коротка, а у нас много дел. Постарайся не разочаровать меня, Джори Ансело, или я вырву твое сердце.

Это было произнесено таким будничным тоном, что мы с отцом, несмотря на облегчение, ни на секунду не усомнились в его словах.

Обучение началось немедленно с длинной пространной лекции. Слушал я очень внимательно, как никогда раньше не вникал ни в один урок, потому как понимал, что от этого зависит моя жизнь. Гэбриэл говорил негромко, спокойно и неторопливо, давая время переварить новую информацию.

Оказывается, чтобы завершить обращение, мне необходимо до конца нынешних суток выпить человеческой крови. Не сделай я этого, просто умру, как и положено после выстрела в сердце. Пока инициация не завершена, меня все больше будет мучить жажда, которую не заглушить ничем, кроме крови. Яркий свет начнет резать глаза, особенно солнечный. Звуки станут громче, чем казались раньше, нервная система претерпит изменения. Возможно, я начну впадать в ярость или буйство. Обычно, именно в этом состоянии обращающиеся находят первых жертв. Избежать убийства для новорожденного вампира – непосильная задача, если никто не будет контролировать его, заставив вовремя остановиться.

Постепенно, по словам древнего, станет легче, но поначалу я буду небезопасен даже для родного отца. Потому что, испытывая жажду, вампир практически лишается рассудка, все затмевают животные инстинкты. Первое, что мне предстояло освоить – как ими управлять, останавливаясь прежде, чем замрет сердце человека.

Внезапно Гэбриэл прервал лекцию:

– Думаю, пора.

Я встрепенулся, чувствуя, как нещадно саднит горло, болит голова и слезятся глаза, возможно, я забыл, что нужно моргать, так внимательно слушал.

– Я решил, что будет справедливо, если завершит твое обращение тот, кто дал жизнь. Это будет символично, на мой взгляд. Отец породил тебя, он же и поставит точку в твоем человеческом существовании. Будем считать это расплатой за непослушание, – твердо произнес лорд.

Я остолбенел, не до конца осознав смысл его слов. Что это значит? Причем тут отец? А вампир уже направился к Гаэтану, по пути прихватив с журнального столика нож для писем. Наконец меня осенило, но было уже поздно, я понял, что помочь отцу не успею. В раздираемом жаждой горле застрял крик отчаяния и ужаса. Но Гэбриэл, резко схватив не сопротивляющегося старика за руку, полоснул по его ладони ножом, заставив болезненно охнуть.

Я сообразил, что он вовсе не собирался убивать отца, однако напугал меня до чертиков своей непредсказуемостью. Я уже готов был высказать ему все, что думаю, и заявить, что кровь родного человека пить не стану, когда на ковер лениво упала первая алая капля. В глотке полыхнуло пламя, и мир сузился до размеров окровавленной руки. Окружающие звуки пропали, я слышал только, как, скатываясь по коже, крупные жидкие рубины падают на пушистый ворс, чувствовал их одурманивающий аромат. С лицом что-то происходило – ныла челюсть, как будто ее выбили сильным ударом. Усилием воли, собрав остатки сил, я мотнул головой, пытаясь развеять наваждение.

– Почему он? – прохрипел я не своим голосом. – Неужели нельзя найти кого-то другого? Ведь это мой отец!

Древний вампир смотрел равнодушно. Его лицо не выражало абсолютно ничего, полное безразличие. Это приводило в бешенство. Если бы не острый запах крови, сводящий с ума, я бы не сдержался, и, возможно, подписал себе немедленный приговор. Но родитель все решил сам. Сделав несколько шагов, он приложил руку к моему рту.

– Если уж не удалось уберечь тебя, так хоть помогу, чем еще способен, – решительно заявил он.

Я его уже не слышал. Сладкая, пьянящая не хуже дорогого вина, густая жидкость, потекла в иссушенное горло, усмиряя головную боль, наполняя тело удивительной силой. Меня как будто распирало изнутри. Это самое сильное ощущение, какое я только испытывал, но оно длилось совсем недолго. Железная хватка создателя оттащила меня от отца.

– Довольно. Для завершения обращения вполне достаточно. Перевяжи руку, Гаэтан. Мы с твоим сыном прогуляемся, пока есть время до рассвета.

А я, сгорая со стыда, не мог поднять на отца глаза. Мучило не то, что я пил его кровь, лишая сил и так изнуренного пожилого человека, а то, что больше всего мне хотелось вновь впиться и не останавливаться.

Не взглянув на него, я вылетел на улицу вслед за лордом.

Глава 2

1913 г. (Париж)

Прохладный ночной воздух помог остудить голову, ослабляя режущий ноздри запах крови. Дышать стало легче. Вместе со способностью соображать вернулась и злость. Жажда тоже никуда не делась, лишь слегка притупилась, с непривычки ныла челюсть, но сейчас я только и хотел, что высказать все этому высокомерному ублюдку, шагающему невозмутимо впереди, постукивая тростью в тишине сонной улицы. И, хотя я осознавал, что он мой единственный шанс безболезненно влиться в вампирскую среду, а также избежать многих ошибок новичков, его методы были глубоко противны.

Подумаешь, возомнил себя Господом всемогущим! Кто давал ему право поступать с людьми, как с марионетками? Но пока я собирался с мыслями, буравя его спину злобным взглядом, он резко остановился в свете газового фонаря и повернулся ко мне. Красивое аристократическое лицо оставалось таким же спокойным, как прежде.

– Вероятно, ты думаешь, что я неоправданно жесток, заставив тебя выпить кровь отца, – начал он негромко. – Поэтому, чтобы избежать дальнейших недоразумений и напряжения в общении, потрачу несколько минут и скажу, – я замер чуть поодаль, обратившись в слух, ибо, не сомневался, это тот человек, к словам которого стоит прислушиваться очень внимательно. – Ты сам сделал выбор и должен нести за это ответственность. Должен почувствовать, что такое настоящая жажда, понять, что всей твоей самоуверенности и бахвальства не хватит, чтобы уберечь окружающих людей.

Гаэтан первым стоял в списке твоих жертв, не появись я сегодня у вас в доме. Поверь, когда, не осознавая, что так сильно мучает тебя, ты бы потерял голову в безумном желании завершить превращение, тебя не остановило бы, что он твой отец и последний родственник.

Я похолодел, с ужасом осознавая правоту древнего вампира. А тот, как ни в чем не бывало, спокойно продолжал:

– Напившись, ты понял бы, что натворил. И вот тогда пришла бы настоящая злость, но злился бы ты уже на себя. И то, как ты с этим чувством справился, определило бы, каким вампиром ты стал. Я лишь немного пофорсировал события и не дал тебе убить Гаэтана. Я действительно уважаю этого пожилого джентльмена, он один из немногих людей, кто заслуживает доверия. Так что, можешь продолжать ненавидеть меня, но не совершай опрометчивых поступков, о которых потом горько пожалеешь. Я обещал потратить на тебя время, так прояви уважение и ты, воспользуйся моей щедростью, насколько возможно.

Чувствуя себя упрямым насупившимся мальчишкой, я, однако же, кивнул. Этого хватило, и дальнейший путь мы проделали молча. Ночной Париж не менее красив и величествен, чем при свете дня. А теперь, когда темнота стала для меня днем, а луна – солнцем, новый мир казался еще прекрасней.

Даже в нашем квартале, далеком от респектабельных и вычищенных проспектов и площадей центральных округов, царит неповторимая атмосфера. Улицы живут своей тайной жизнью, многовековой историей, многочисленными событиями, случившимися за прошедшие века. С уютной Левер мы повернули на соседнюю Риголь, где посреди мостовой неподалеку от тележки старьевщика расположилась на отдых стая бродячих собак, лениво повернувших головы в нашу сторону.

В неверном свете газовых фонарей, освещающих сонные бульвары и переулки, все казалось призрачно загадочным и невероятным. Благодаря этим самым фонарям у меня и появился ужин на сегодняшнюю ночь. Бельвиль – не самый благополучный и безопасный для подлунных прогулок район, но газовщики, сторожа и трубочисты вынуждены работать в темное время

суток даже здесь. На одного такого мастера мы и наткнулись около потухшего фонаря, когда он заправлял светильник.

Гэбриэл придержал меня в тени, шепотом объясняя, как незаметно приблизиться к человеку и заставить его стоять спокойно и не шуметь, не причиняя вреда. Оказалось, вампирам присуща еще одна потрясающая способность, от которой я пришел в неописуемый восторг, предвкушая перспективы. Глядя прямо в глаза жертве, они могут внушить последнему что пожелает. Безвольный субъект выполнит все с точностью до идиотизма. Даже если я прикажу кому-то спеть Марсельезу голым на площади, он непременно это сделает.

Я даже не подозревал о таких способностях! Отец об этом не упоминал, или я упустил из-за обилия сведений, обрушившихся в момент прочтения дневника. Какие же еще сюрпризы ждут меня в вампирском обличие? Это открывало неограниченные возможности. Как в жизни, так и в бизнесе теперь не будет слова «нет». Дух захватывало! Кажется, Гэбриэл прекрасно понимал, какие мысли вихрем проносятся у меня в голове, потому что поглядывал снисходительно и, казалось, немного презрительно. Плевать. Пусть научит всему, на что я способен, а уж как этим арсеналом распорядиться, я сам решу.

Мы бесшумно приблизились к мужчине, деловито копошащемуся около фонарного столба. В последний момент он почувствовал наше присутствие, потому что испуганно обернулся, и я тут же, завладев его взглядом, четко выговаривая слова, приказал молчать и не двигаться. Мужчина замер на месте, как вкопанный. Работает! У меня получилось, это, оказывается, так просто! Никаких усилий не пришлось прилагать.

Я едва не потирал руки, довольный первым успехом и в нетерпении немедленно утолить жажду, скребущую горло. Но Гэбриэл продолжал объяснять, как правильно прокусить вену, чтобы человек смог потом остановить кровотечение; как, насыщаясь, не прекращать прислушиваться к сердцебиению, которое я ощущал громко и отчетливо; как заставить себя оторваться, когда пульс начинает ускоряться.

Пока он говорил, мужчина стоял спокойно, не выказывая признаков страха, будто это его вовсе не касалось, но, когда я наклонился к его шее, обнажая острые клыки, в глазах жертвы заметался такой животный ужас, что стало не по себе. Мелькнула мысль, что можно внушить ему не бояться. Но все мысли резко покинули меня, уступая место эйфории от хлынувшей в пылающее горло благословенной влаги. Я забыл про все на свете. Упоение кровью ни в какое сравнение не шло с чувством насыщения обычной пищей. Это, скорее, можно сравнить с эротическим удовольствием. Огромное желание сменяется удовлетворением. Мне показалось, что промелькнуло мгновение, как меня снова силой оторвали он живительного источника.

– Я же сказал – слушать! – резким тоном произнес создатель. – Так и знал, что с тобой будет непросто. Честолюбивый юнец с завышенной самооценкой. Это была бы твоя вторая жертва, поздравляю.

Я виновато смотрел на обмякшего газовщика с побелевшим лицом и едва различимым в ночной тишине частым-частым биением сердца, которое еще недавно стучало громко и уверенно. Я только что чуть не убил его, даже не осознавая, что делаю и совершенно не думая, чем это грозит. Черт возьми, древний вампир не ошибался: я просто глупец.

– Он придет в себя? – спросил я, вытирая губы платком и поправляя шляпу.

– На этот раз да. Я остановил тебя вовремя, – ответил Гэбриэл.

– Спасибо, – поблагодарил я глухим голосом. – Вы были правы.

Он просто кивнул и зашагал по пустынной темной улице.

– Мы продолжаем охоту? – поинтересовался я, следуя за ним.

– Возможно, но чуть позже. Я собираюсь продолжить разговор в более подходящей и комфортной обстановке.

– А вы разве не голодны? Я думал, вампир должен питаться каждую ночь, – продолжал я расспросы на ходу.

– Я не пью кровь на улицах, – ответил мой создатель-сноб.

«Ну, разумеется, ваше высочайшее величество, кто бы сомневался, что вам кровь в золотом бокале подают, – с сарказмом подумал я про себя. – Охота – удел плебеев, типа меня».

К большому удивлению, я попал почти в цель своим замечанием. Некоторое время спустя мы удобно расположились в салоне ресторана, где я не раз бывал ранее. Вышколенный метрдотель, проводив нас в отдельный кабинет, дал знак услужливому официанту. Прежде чем вручить меню, тот поднес моему учителю бокал, как сперва показалось, с красным вином, пока в нос не ударил сладкий запах крови. Слегка ухмыляясь и поглядывая на мое удивление, Гэбриэл с удовольствием выпил поданную жидкость, а потом принялся изучать меню, расправив на коленях салфетку. «Разве что, бокал не золотой», – мелькнула мысль.

– Ну, хорошо, с кровью понятно, – не выдержал я. – Но зачем заказывать обычную еду? Для отвода глаз? Это глупо, на мой взгляд.

– Вампир вкушает обычную пищу, а также напитки. Более того, я настоятельно рекомендую тебе питаться плотнее в первое время. Не пренебрегай крепким алкоголем. Помогает приглушить жажду. Это, возможно, убережет твоего отца от участи не проснуться в ближайшие дни.

«Вот это отличный совет, спасибо», – вновь подумал я и тоже взял меню, хотя с большим удовольствием предпочел бы такой же бокал, как подали собеседнику.

– Не забудь повесить на окна плотные портьеры, – дал очередной совет Гэбриэл. – Солнце – теперь твой главный враг на ближайшую вечность. Однако это только если сможешь войти в дом. Видишь ли, у вампиров есть такая отличительная особенность. Мы не можем попасть без приглашения в чье-либо жилище. То есть, чтобы получить доступ, тебя должен пригласить его владелец. Это не касается казенных или бесхозных помещений, а также любых общественных заведений.

Вот так новость! Допустим, с квартирой обойдется. Очень удачно, что она оформлена на Ноэми. Сейчас сестренка мертва, значит, владельца больше нет. Так что проблем возникнуть не должно.

Прежде чем мы приступили к трапезе, лорд предложил перейти на «ты», дескать, ему так удобнее. За поздним ужином Гэбриэл продолжал рассказывать то, что я должен знать, чтобы как можно скорее стать вампиром, способным вести нормальный образ жизни.

Создатель позволил поохотиться еще раз перед тем, как расстаться до следующей ночи. На этот раз это оказался обычный поздний прохожий. Собрав в кулак волю и выдержку, мне удалось вовремя почувствовать ускорение пульса жертвы, и оторваться от сладкой вены, хотя и стоило это огромных усилий. Я даже заслужил скупой кивок похвалы от сурового наставника.

После этого, он сообщил, о необходимости внушать жертвам, чтобы они забыли о произошедшем. Иначе по городу поползут страшные слухи, чего допустить, разумеется, нельзя. Конечно, не все вампиры ведут себя так предусмотрительно, иначе, откуда бы вообще взялись мифы и легенды о ночных кошмарных кровопийцах? Но тех, кто ставит под угрозу существование вида, ждет неминуемая расправа от своих же сородичей.

Распрощались мы чинно и вежливо, условившись о следующей встрече будущей ночью, и я отправился домой.

Глава 3

1913 г. (Париж)

Неторопливым прогулочным шагом, в отличном настроении и под впечатлением от насыщенной ночи, шествуя по каменной мостовой к дому, я, забавы ради, перепрыгивал через выключенные на ночь фонтаны и с легкостью перелетал через огромные клумбы цветов. Благо, в престижных районах города в такой час редко встретишь случайного прохожего, разве что жандарма, делающего обход. Но мне повезло, обошлось без удивленных или напуганных моим дурашничеством свидетелей.

Разумеется, я не смог отказать себе в удовольствии, как наверняка многие новорожденные вампиры. Слегка разбежавшись, я буквально взлетел на крышу четырехэтажного дома. От осознания, как мне казалось, почти безграничной силы и ловкости, хотелось радостно орать, как мальчишке. «Хорошо, что меня не видит степенный создатель», – мелькнуло в голове, когда я несся к Вандомской площади, но уже не по мостовой, а по крышам.

Вошел я в квартиру без всяких преград, значит, Гэбриэл не ошибся. До первых лучей солнца успел по его совету завесить окна плотными покрывалами, так как их украшали лишь легкие гардины.

Весь день я маялся от скуки. Сна хватило на пару часов, наверное, сказалось перевозбуждение. А вместе с ним вновь начала мучить жажда, и я не решился заказать доставку портьер, опасаясь, что не смогу противостоять соблазну. Коротал время за книгами, попивая коньяк и дымя сигарой. Это действительно помогало отвлечься от мыслей о крови. Хорошо, когда есть мудрый наставник. Каково мне было бы сейчас, познавай я новый мир в одиночестве? А так, я вполне уже собой гордился, ведь первые сутки прошли без убийства, зато с пользой и толком. Однако по событиям следующей ночи выяснилось, что я поторопился нахваливать себя, да и учителя тоже.

На встречу с ним я не шел, а почти бежал, сходя с ума от жажды, отворачиваясь от прохожих, боясь увидеть пульсирующую жилку на шее и не сдержаться. Очень надеялся, что ментор позволит поохотиться, прежде чем заведет очередную лекцию. Встретились мы с Гэбриэлом после наступления серых сумерек в небольшом скверике неподалеку от моего дома.

Прогуливающиеся парижане разбредались по домам, вместе с ними исчезали лоточники, уличные музыканты и художники, а также другие умельцы, развлекающие чинную публику респектабельного квартала. Краткое вежливое рукопожатие в знак приветствия. Мельком отметил про себя, что на Гэбриэле, как и накануне, безупречный костюм, а в черные лакированные туфли можно смотреться, как в зеркало. А я-то еще себя считал иконой стиля и вкуса. В сквере безлюдно, тихо и сумрачно, лишь стрекотание цикад и сверчков нарушало тишину, да на скамье чуть поодаль сидела молодая белокурая особа.

– Хочу тебя кое с кем познакомить, – Гэбриэл жестом пригласил следовать за ним.

Нашел время! Мне сейчас не до знакомств с кем бы то ни было, горло как наждачной бумагой дерет. Я уже хотел высказать возмущение вслух, когда мы подошли к скамье с той самой девушкой. При нашем приближении мадемуазель встала, и я на миг забыл о жажде, да и вообще обо всем.

Как же она прекрасна! Даже с немалым количеством женщин в моей жизни, я не встречал еще подобной. Пышные струящиеся по плечам волосы отливали золотом в свете фонаря, карие глаза молодого оленя при этом смотрелись особенно эффектно. Идеальный носик и пухлые, но небольшие губки придавали красавице немного кукольный вид. Высокая грудь, узкая талия и крутые бедра только дополняли общую безупречную картину. Единственное, что удивляло, это полное отсутствие какого-либо выражения на лице.

– Ее зовут Изабель. Она под внушением, и она твой сегодняшний ужин, – будничным тоном сообщил Гэбриэл. – Можешь приступать. Но помни то, чему я учил тебя вчера – не теряй контроль, – и он спокойно отошел в сторону, почти скрывшись в тени огромного раскидистого дуба.

Я еще раз оглядел завороженную красавицу, ее красивые глаза в пушистых ресницах, нежные щеки, аккуратные скулы, и мой взгляд спустился ниже, на лилейную шейку, туда, где под тонкой белой кожей очень отчетливо билась голубой змейкой вожделенная вена. Рот моментально наполнился голодной слюной, а вокруг глаз набухли сосуды, и сами собой прорезались острые клыки. Я не мог понять, чего же хочу больше – впиться ей в шею или повалить на траву в необузданном плотском желании. Она смотрела без малейшего страха, медленно опуская и поднимая ресницы, и мне пришло в голову, что одно другому не мешает. Сейчас наемся, а потом попрошу Гэбриэла оставить нас наедине. В конце концов, он тоже мужчина, должен понимать.

Не колеблясь более ни мгновения, я притянул девушку к себе. Прижав одной рукой за талию, будто в танце, другой слегка наклонил ее голову, придерживая затылок, открывая доступ к вене, я вонзил клыки в шею. Красавица не издала ни звука, зато у меня вырвался стон экстатического удовольствия. Горячий нектар струился в горло, а перед глазами мелькали яркие картины страстного соития, будто мы уже переживали это наяву. Я буквально потерял голову и захлебывался желанием, не в силах совладать с собой.

И вдруг я почувствовал, что все закончилось, сладкая жидкость уже не льется в горло, и с ужасом осознал, что крови-то больше и не осталось. Я выпил жертву досуха. По-прежнему сжимая в объятиях мертвое тело, я не мог прийти в себя, тяжело дыша и чувствуя, как сердце рвется из груди. Как такое могло произойти?

Я растерянно смотрел на прекрасное, но безжизненное, как гипсовая маска, лицо, и не верил в происходящее. Минуту назад это была полная жизни сногсшибательная красавица, а теперь – просто труп. А я стою с окровавленным ртом и ничего уже не могу изменить. Краем сознания я почувствовал, как подходит неторопливой походкой создатель, и злость вновь завладела мной, заставив прохрипеть:

– Почему ты не остановил меня? Ты же чувствовал, что я убиваю ее!

– Я чувствовал, да, – жестким и холодным голосом ответил лорд. – А ты – нет. Ты вообще забыл обо всем, чему я учил вчера. В чем я, в общем-то, и не сомневался.

– Но зачем?! – вскричал я в праведном гневе, не понимая, как можно быть таким бездушным. – Почему ты это сделал?

– А сколько, ты думал, я стану с тобой нянчиться? Я ведь напомнил о контроле, ты должен был думать только об этом, а не исходить похотью, увидев смазливое личико, – он кидал слова, как кинжалы, справедливые, но от того не менее болезненные.

Я осознавал его правду, но как же хотелось сейчас ударить по надменной физиономии!

– Ты монстр, – только и смог я выдавить.

– Ты тоже, – насмешливо скривил губы мучитель. – Добро пожаловать в клуб.

Как бы ни злился я сейчас на него, на себя и на всех вокруг, но отрицать очевидное не мог. Да, я такой же, как он. Я расслабился после первого успеха, решил, что все теперь могу, понадеялся, что наставник рядом. А ведь то же самое могло случиться позже, когда я останусь один. Как бы ни противно было осознавать, он допустил убийство специально, преподавая, таким образом, урок жестокий и беспринципный, но действенный. Вряд ли все его лекции смогли бы произвести такое впечатление, как наглядное осознание собственной слабости. В это мгновение я точно знал, что приложу все усилия, чтобы подобное не повторилось впредь.

– Вот теперь я увереннее в тебе, – кивнул Гэбриэл. – Я знаю, ты справишься.

Чертов вампир читал на моем лице! Вот уж спасибо! Но, несмотря на саркастичные мысли и более чем ужасную ситуацию, я был польщен его оценкой. Оставалось смириться с

непоправимым и жить с осознанием, что на моей совести смерть молодой девушки. У нее впереди была целая жизнь, семья, которой теперь предстояло ее оплакивать, будущее, которого я ее лишил в одно мгновение. И вновь, словно прочитав мои безрадостные мысли, лорд сказал:

– Если тебе от этого станет легче, то у нее нет родных. Она была совершенно одинока, как это ни парадоксально, и работала проституткой в борделе.

Не сказать, что намного, но стало легче. Однако сути дела это не меняло. Сегодняшняя ночь должна оказаться переломной, теперь все будет по-другому. Я ведь сам сделал выбор.

Следующим этапом обучения стал урок избавления от трупов. К сожалению, как сообщил «добрый» наставник, как бы я ни старался, жертвы все равно будут случаться время от времени. Вся жизнь вампира – это череда смертей. Просто так бросать обескровленные трупы недопустимо. Можно их закапывать, сбрасывать в канализацию или в реку, желательно с грузом, или прятать в катакомбы. Лучше всего их сжигать, заметая тем самым следы преступления. В крематории в ночные смены работают наши собратья, как раз удобно для таких случаев, чем мы и воспользовались.

В остаток скорбной ночи у меня не нашлось ни сил, ни желания учиться еще чему-либо, поэтому мы расстались с Гэбриэлом задолго до рассвета. И, конечно, у меня более не было настроения скакать по крышам и веселиться. Придя домой, я первым делом откупорил пузатую бутыль коньяка и выпил почти залпом. Думал, это поможет расслабиться и забыть хоть на время о событиях минувшей ночи. Действительно, удалось уснуть, но во сне я видел золотоволосую красавицу, которая ласково и маняще улыбалась.

Надо признаться, мне вполне удалось отдохнуть, события ночи померкли, совесть услужливо молчала, не утруждая себя угрызениями по поводу несчастной проститутки. Наверное, я был слишком эгоистичен и самовлюблен, а также высокомерен, чтобы убиваться по падшей заблудшей душе. Для себя я решил – что произошло, того не изменить, надо лишь постараться не повторять ошибок.

Успокоившись на этот счет, я даже забавы ради вызвал своего консьержа – надутого, напыщенного, мнящего себя как минимум чиновником первого класса, а не простым привратником. Он явился, отдуваясь от быстрой ходьбы, тревожно уставившись на меня заплывшими глазками и сверкая потной блестящей лысиной. «Наверное, думает, что у жильца появились жалобы», – предположил я, ухмыляясь.

– Чем я могу помочь вам, месье Ансело?

Я подошел вплотную, заставив его нервно сглотнуть, и, пристально глядя в глаза, приказал молчать и не бояться. Консьерж замер, вытянувшись в струнку, если такое понятие можно применить к человеку с необъятным животом, на котором позолоченные пуговицы ливреи едва ли не стонали от напряжения. Потом, пересиливая себя от отвращения (все-таки потная шея толстяка – это не хрупкая нежная шейка блондинки), впился клыками в то место, где, по идее, должна находиться вена.

На мое удивление, она именно там и оказалась, хотя под складками жира ее даже учуять было непросто. Напившись, я совершенно спокойно заметил момент, когда глухо бьющееся сердце консьержа начало ускорять пульс, и отпустил его. Тщательно прополоскав рот коньяком, я удовлетворенно вздохнул. Да, расчет был верен. Я вполне могу справляться с дурманящим ароматом и вкусом крови, если к нему не примешивается плотское влечение. Оказалось, очень просто остановиться, если человек, выбранный на ужин, тебе неприятен. Это можно использовать в первое время. Пожалуй, лучше так, чем убивать молоденьких девушек. А этому жирдяю только на пользу кровопускание. Надо будет использовать его еще как-нибудь.

Приложив к кровоточащей шее жертвы платок и внушив, что его укусила соседская собака, сам же с этой легенды посмеиваясь, так как эта левретка размером чуть больше кошки, отправил его восвояси. Вполне довольный собой, приготовился к вечеру встречи с создателем, надеясь, что сегодня он не преподаст мне еще какого-нибудь урока в своем духе.

На встречу в ресторане я пришел в оговоренное время, минута в минуту, но Гэбриэл уже ждал меня. Сидел за лучшим столиком так прямо, будто трость проглотил, и неторопливо попивал кровавый коктейль.

На ходу дав знак официанту, чтобы принес мне того же, я расположился напротив ментора.

– Интересно, кому из обслуги они делают кровопускание ради тебя? – поинтересовался я вместо приветствия.

– Тебя это сильно волнует? – усмехнулся он. – Меня не слишком, надо признаться. Я живу столько лет, перед глазами сменилось столько поколений, что человеческая масса представляется цветными картинками, калейдоскопом, проносящимся мимо. Я посоветовал бы тебе не преувеличивать мою гуманность – это самообман. То, что я сохранил жизнь вам с отцом, несмотря на твое самоуверенное непослушание, это не признак доброты, а обычный расчет на выгоду и полезное приобретение.

Я постарался погасить гнев, вызванный его словами, потому что осознавал, их справедливость. Чихал он на нас, ему нужны верные и надежные люди, готовые исполнить что угодно. Все честно, я признавал за ним право сильного, но в голове крутилась честолюбивая мысль, что так будет не всегда. И уж точно, я не собирался стелиться перед ним из страха или раболепия.

Пусть лучше убьет, и дело с концом, я все равно уже дважды обманул смерть, так что успел с этой мыслью примириться. Если буду работать на него, так только из благодарности, уважения и, разумеется, с выгодой для себя. По глазам собеседника я видел, что он это прекрасно понимает и вполне согласен.

– Считаю своим долгом предупредить, что для вампиров существуют препятствия и опасности, кроме солнца и деревянного кола в сердце, – начал очередную лекцию древний. Полагаю, про оборотней ты слышал. В полнолуние они – наши древнейшие и естественные враги, достаточно одного укуса обратившегося волка. Меня, разумеется, это не касается, я бессмертен, но тебе бы посоветовал в такие ночи не пересекаться с волколаками, а их в городе более чем достаточно. Они целыми общинами живут.

Далее: ведьмы тоже, в большинстве своем, не горят желанием водить дружбу с подобными нам. И хотя они обычные люди, в их арсенале магических знаний хватает средств против нас. Однако они же могут быть весьма и весьма полезными при правильном подходе.

Я внимательно слушал и запоминал, отмечая особо важные моменты, а он тем временем продолжал:

– Есть силы природы, которые не столь смертоносны, сколько весьма неприятны, даже такому как я, например, вербена. Это обычное растение – яд для вампира. Охотники используют настой этой травы, чтобы нанести урон кровопийце, ослабить его и убить. Посвященные люди пьют его, защищаясь от нашего внушения.

Старайся сначала понять, в курсе жертва или нет. Таких тоже немало в Париже. Некоторые, как твой отец, приспособились носить вербену на себе в виде амулетов и украшений, кровь при этом остается чистой, но внушению человек не поддается. Помни об этом, и жизнь станет проще и безопаснее. Ну, а то, что не стоит встречаться с женщинами, не утолив основной вампирский инстинкт, думаю, ты уже сам понял, если, конечно, не желаешь каждый раз просыпаться рядом с трупами. Плотское возбуждение во много раз усиливает жажду и уменьшает способность контроля.

Надо отдать должное, знания он дал поистине бесценные. Сколько ошибок я бы совершил, тычась, как младенец и познавая все на своей шкуре, сколько пострадало людей, и какие бы неприятности я нашел на свою голову. Каждое его слово словно выжигалось в мозгу, я точно знал, что советов не забуду, более того, они помогут быстрее вернуться к привычной жизни.

– Вряд ли я могу позволить себе дать тебе что-либо еще, – продолжал собеседник. – С этого момента ты самостоятельный, и постарайся не обмануть оказанного доверия.

– Спасибо, – я искренне поблагодарил. – Надеюсь, что не разочарую тебя.

Он кивнул, задумчиво глядя вглубь зала, помолчал и наконец произнес:

– Возможно, у тебя есть шанс доказать это. Я прибыл в Париж с важным делом. Но на сегодняшний день, мои поиски не увенчались успехом. Вероятно, в большой степени, это связано с одним самоуверенным мальчишкой, на которого я потратил очень много полезного времени, не успев завершить свои дела, – он пристально и очень выразительно посмотрел мне прямо в глаза. – А сейчас я вынужден двигаться дальше, не имея возможности задерживаться более.

– Я могу доделать за тебя это самое дело? – напрямую спросил я, поняв, к чему он клонит. Разумеется, пришло время платить по счетам.

– Очень рассчитываю, что сможешь, – вновь кивнул вампир. – Повторю, что для меня это чрезвычайно важно, и это не подлежит никакой огласке или утечке информации.

Его слова задели за живое.

– Я юрист, – напомнил я с достоинством. – Клиентская тайна – не пустой звук, я знаю, что такое конфиденциальность и приватность.

– Не сомневаюсь, – позволил он легкий намек на улыбку.

В этот момент принесли горячие блюда, и разговор пришлось прервать на время ужина.

Расстались мы с Гэбриэлом поздно ночью у дверей ресторана. Создатель очень спешил, поэтому простились мы, как он утверждал, надолго. Вежливо раскланялись, он пожелал успеха в новой жизни, а я ему – удачного пути, куда бы он ни направлялся.

Проводив взглядом величественную фигуру, я отправился в другую сторону. Мне еще предстояло поохотиться. Кровь из хрустального бокала – это, конечно, хорошо, но не заменит теплой пряной жидкости, бьющей из вены и приносящей чувство эйфории.

Помня свой опыт, я постарался избегать представительниц женского пола, состоящих в столь поздний час в основном из уличных проституток. Выбрал в жертву гражданина, по виду, не вполне легальной деятельности. Проще сказать, я сразу понял, что это – вор-домушник.

Этого мужчину я заприметил, проходя по кварталу Маре, направляясь к бульвару Бомарше, в надежде натолкнуться там на припозднившихся гуляк. Где еще орудовать вору, как ни в квартале роскошных особняков зажиточных буржуа? Я отметил, что в человеческой сущности, ни за что не смог бы обнаружить его. Быстро оглянувшись и убедившись, что вокруг тишина и безлюдье, я настиг жертву в одно мгновение. Он и пикнуть не успел, как я прижал его за горло к стене в тени густого клена. Плюгавый сучил ногами в безуспешной попытке вырваться и вцепился ручонками в мой рукав, силясь освободить горло. Глаза у него от страха почти вылезли из орбит.

– Замри! – сказал ему я тихо, пристально взглянув в глаза. Он сразу обмяк и больше не шевелился.

Покончив с ужином и внушив напоследок вору, что он – законопослушный гражданин, исправно платящий налоги, я в превосходном настроении направился домой. Сегодня я планировал разобрать документы для оформления наследства после сестренки, а также основательно поразмыслить над заданием, оставленным создателем. Но когда в водовороте невероятных событий наконец образовалась пауза, дающая возможность осознать, осмыслить произошедшее, выстроить планы, взглянуть в безграничную даль, внезапно нахлынули думы совсем иного рода.

Глава 4

1846-1904 гг. (Париж)

По сути, мое человеческое существование завершено. Прежде, чем устремиться в грядущую вечность, захотелось подвести итоги, что-то переосмыслить, проанализировать, как я решился на этот жуткий эксперимент, ценой которого вполне могла оказаться не вечная жизнь, а бесконечное забвение. Устроившись в темноте и успокаивающей тишине гостиной с бокалом коньяка, я вернулся в далекое прошлое. Очевидно, чрезмерно раздутое эго не позволяло памяти, стертой вечностью, кануть в Лету.

Пожалуй, самую большую роль в формировании моей личности сыграл отец. Именно ему я обязан как никому другому.

Насколько знал из его рассказов, Гаэтан Ансело родился в Лотарингии в 1846 году в семье обнищавшего дворянина шевалье Луи Д`Ансело. Мать он потерял в возрасте семнадцати лет, а через год умер и отец, беспробудно пивший после похорон обожаемой жены. Кажется, не осталось и других близких родственников.

Рассчитывать Гаэтану было не на кого. Луи умудрился пропить, промотать и проиграть в карты большую часть его наследства. Оставшись в одиночестве, юноша рассудил, что единственным источником благосостояния для него сможет стать только труд. А значит, необходимо получить образование и забыть дворянские замашки предков.

Для осуществления замысла он продал практически все, что оставалось от семейного имущества, оставив лишь небольшую, тщательно подобранную библиотеку, начало которой положил его дед, старинное обручальное кольцо матери, а также орден Почетного легиона и саблю «Оружие чести» (Armes d'honneur – фр.) которую моему прадеду-офицеру в награду за мужество и храбрость вручил Наполеон Бонапарт.

На вырученные средства Гаэтан смог окончить юридический факультет Сорбонны. Однако не успел магистр юриспруденции сменить студенческую мантию на адвокатскую, как пришлось отдавать долг Родине в качестве боевого офицера. Конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с Пруссией закончился для Франции совсем не так, как мечтали соотечественники. Опасность голода и эпидемии в отрезанном и запертом, охваченном кровавым восстанием Париже вынудило нашу страну заключить позорное перемирие.

После войны, как и остальным горожанам, молодому юристу пришлось нелегко: экономика оказалась почти полностью уничтожена, времена наступили не самые подходящие для карьеры начинающего помощника адвоката. Иногда мой отец буквально оказывался на грани голода, и вскоре понял, что на этом поприще вряд ли сможет много заработать, и финансовый взлет в ближайшее время не предвидится.

Когда Гаэтану исполнилось тридцать, ему посчастливилось познакомиться с прекрасной девушкой – стройной темноглазой бельгийкой Селестой – и он потерял голову. Со всей страстностью и галантностью мужчина принялся ухаживать за возлюбленной, которая, к его величайшей радости, согласилась выйти за него замуж.

Теперь Гаэтану приходилось содержать семью. Он хватался за любые, в том числе, невыгодные дела, однако средств все равно не хватало. Но тут произошло событие, в корне изменившее судьбу нашей семьи. В один обычный день к скромному юристу приватно обратился незнакомец с просьбой весьма специфического характера – помочь приобрести фальшивые документы.

Поняв, что дельце сулит немалые деньги, отчаявшийся Гаэтан согласился. За первым заказом последовали другие, еще более щекотливого характера. Предприимчивый француз

приобрел хватку, открыл юридическую контору, и дела пошли в гору. Вот только из фамилии он убрал приставку Д‘, чтобы не пятнать честь предков.

Материальных проблем Ансело больше не испытывали. Только с появлением наследника не получалось почти двенадцать лет, что принесло супругам много горя. До моего рождения все беременности матери заканчивались выкидышами. И когда они почти смирились, Гаэтан решился на последний отчаянный поступок. Видя, как Селеста мечтает стать матерью, он обратился за помощью к целебным свойствам крови Гэбриэла. Конечно же, последнее я недавно узнал из отцовского дневника. Сейчас это казалось особенно символичным – дважды своим существованием я обязан древнему вампиру.

Я появился на свет восьмого августа 1888 года – здоровый и крепкий младенец, к тому же, копия Гаэтана. Это было подлинное счастье для родителей. Надо ли говорить, что они не чаяли в отпрыске души и, конечно же, возлагали большие надежды на мое будущее. Рос я настоящим озорником, обладал немыслимым любопытством и морем энергии, поэтому постоянно попадал в переделки, заставляя маму хвататься за сердце, а отца хмурить брови.

Довольно долго я оставался единственным ребенком, надо сказать, порядком избалованным, но добрым и веселым. Только через восемь лет после моего рождения, появилась на свет сестренка Ноэми. В то время я ничуть не сомневался, что мир вертится исключительно вокруг меня. Впрочем, впоследствии это убеждение претерпело лишь незначительные изменения.

Отец прилагал все усилия, чтобы дать мне приличное образование, обучая всему, что пристало юному аристократу: от фехтования, верховой езды и танцев до иностранных языков и литературы. Учеба давалась очень легко: я никогда не засиживался за уроками. Оставалось много времени на шалости, приводившие в отчаяние педагогов. Ситуация не изменилась и в престижном лицее, куда меня зачислили по достижении двенадцати лет.

Там я подружился с Лукой – сыном успешного банкира месье Дюкре, найдя в нем лучшего друга и соратника в мальчишеских играх. Мы были неистощимы на выдумки еще и потому, что на уроках я часто откровенно скучал, имея отменную долицейскую подготовку, да и новый материал понимал и запоминал с первого раза.

Однако доказать багровому от возмущения преподавателю, что он в чем-то неправ, или попросту сорвать урок дурацким розыгрышем стало нашим с Лукой привычным и наиболее любимым занятием. Но, когда приходилось отвечать за содеянное, я всегда брал ответственность на себя, прикрывая друга, потому что у его отца оказалась тяжелая рука и весьма суровые и консервативные взгляды на воспитание отпрыска.

Детство мое практически не омрачалось неприятными событиями. Успехи сменялись победами, росло самомнение, шлифовалась гордыня, ничто не затмевало безоблачный горизонт.

Сомнений в выборе жизненного пути у меня не возникало, с юных лет я впитал уважение к достойной и благородной профессии юриста. Окончив лицей, легко поступил в Сорбонну на тот же факультет, где в свое время учился и Гаэтан, что вызвало в нем большую гордость. В мыслях он уже видел меня блестящим адвокатом или государственным прокурором.

Однако у меня были другие планы. Еще в школьные годы, благодаря наблюдательности и природному любопытству, я понял, что не вся деятельность отца легальна и связана иногда далеко не с обычными людьми. Но началось мое знакомство с мистическим миром еще раньше, в младших классах, когда после рассказов педагога о парижских катакомбах нас строго-настрого предупреждали держаться как можно дальше от этих мест, что, конечно, лишь подстегивало любопытство и подогревало интерес к «запретному плоду».

Когда в спальнях пансиона гасили свет, наступало самое интересное время. Со сладко замирающими от ужаса сердцами мы начинали делиться страшными историями о жутких чудовищах, населяющих подземный Париж и выбирающихся на поверхность по ночам, чтобы напиться человеческой крови.

Возможно, на этом бы все и закончилось. Как и многие другие, я стал бы считать рассказы о монстрах детскими страшилками, если бы не некоторые странности, которые замечал пытливый ум. В целом Гаэтан был очень либеральным в отношении моего воспитания и крайне редко запрещал что-либо, больше направлял и деликатно подсказывал, давал мудрые советы. Однако он в категоричной форме требовал избегать вечерами темных закоулков и трущоб и не приближаться к катакомбам. Кроме этого, всем в доме запрещалось после заката впускать незнакомцев, будь это посыльный из магазина или новый сосед.

После одного из полнолуний в газетах появились панические заметки о нападении волков на людей в центре Парижа. Поверить в такое немыслимо. Скорее, это являлось случаем распространения бешенства среди дворовых собак. Несколько горожан были загрызены насмерть. Весть печальная, но не слишком удивительная. Отец же крайне обеспокоился сообщениями и настойчиво просил в ночи полной луны из дома не выходить. Хотя эти призывы казались мне тогда суевериями пожилого человека.

Не знаю, сколько бы я еще пребывал в сомнениях, но разрешить их неожиданно помог случай. Домашняя библиотека всегда находилась в моем распоряжении, и я нередко заставал там отца, который читал или работал с бумагами. Обычно он приветливо кивал, и, если был не слишком занят, мы могли о чем-то поговорить, а потом я шел к книжным стеллажам, а он возвращался к своим занятиям.

Но несколько раз я заставал его с толстой потрепанной тетрадью в кожаном переплете с застежками, которую он просматривал или делал записи. Завидев меня, заперев обложку на замочки, отец убирал гроссбух в личный маленький сейф. И это тоже было очень странно, потому что большой несгораемый шкаф, где хранилась награда его деда, часть маминых драгоценностей, крупные суммы наличности и документы, он вовсе не торопился захлопывать у меня перед носом, да и мама имела к нему свободный доступ.

Конечно же, эта тетрадь возбуждала во мне патологические приступы любопытства, которые оставались неудовлетворенными довольно долго. Что за страшные секреты хранили ее страницы, если это вызывало у отца такую осторожность? Речь не могла идти ни о финансовых вопросах, ни о тайных любовных переписках. Подобные предположения я отмел сразу, продолжая мучиться догадками.

Однажды, когда я вновь направлялся в библиотеку, со стороны столовой раздался громкий крик, а потом отчаянный плач сестренки. Надо сказать, Ноэми вовсе не была капризной, зато довольно непоседливой. Видно, она сильно ушиблась. Но рядом наверняка находилась мама, да и кухарка где-то поблизости. Утешить девочку нашлось бы кому, поэтому я спокойно продолжил свой путь. Однако у отца оказалось другое мнение. Заслышав зов обожаемой дочки, он вылетел из кабинета, не заметив меня.

Войдя в библиотеку, я направился к полкам, но взгляд упал на стол, и я увидел оставленную тетрадь. Именно ту, толстую, в темной коже. Обложка была закрыта, но не заперта. Нервно оглянувшись и убедившись, что отец не торопится вернуться, понимая, что не имею права этого делать, я не удержался и шагнул к столу.

Распахнув страницы, я впился в аккуратные ровные строчки. Это оказалось чем-то вроде дневника или заметок, и первая, судя по дате, сделана за несколько лет до моего рождения. Еще раз прислушавшись и взглянув на дверь, я стал читать и не мог остановиться, осознавая, что это отнюдь не книга сказок и не выдумка.

Можно понять, почему отец так старательно прятал подобную рукопись ото всех. Скорее всего, никакие политические интриги и даже адюльтер не стоил бы и доли тех сведений, которые содержала эта хранительница тайн. Речь шла о вампирах, тех самых, историями о которых мы пугали друг друга в начальных классах.

Написано все это, несомненно, на основе личных наблюдений, словно Гаэтан водил знакомство с этими существами. Невероятные скорость, сила, выносливость, орлиное зрение,

великолепный слух и обоняние, и это еще не все. Раны, заживающие моментально, никаких болезней, им не страшны ни пули, ни кинжалы. Если повезет, эти создания жили вечно – вот что следовало из текста.

Просто голова шла кругом, мир неудержимо менялся. Взахлеб проглатывал я рассуждения о том, как неплохо обладать хотя бы частью этих способностей, и какие возможности это открывало. Апофеозом стало упоминание и о других существах, вроде проклятых в полнолуние ликантропах и настоящих ворожеях. Будь у меня больше времени, я прочел бы все записи, но тут послышались торопливые шаги, и я едва успел захлопнуть тетрадь и метнуться в кресло. Схватив первую попавшуюся книгу и раскрыв ее наугад, всеми усилиями я создал видимость спокойствия и безмятежности.

Вернувшийся отец быстро прошел к столу и, убедившись, что его странный дневник на месте, с подозрением посмотрел на меня, но ничего не сказал. Как обычно, запер его и убрал в сейф. А меня буквально распирало и разрывало на части от новых сведений, и при этом приходилось старательно скрывать эмоции. Бессмысленно пялясь в «Метафизику» Аристотеля на древнегреческом, я мучительно пытался осознать то, что успел прочесть. Мог ли я тогда предположить, что эта старая тетрадь сыграет решающую роль в переломный момент моей жизни?

Мысли скакали в голове, стараясь уложиться в новую реальность. Может, в силу возраста, но у меня не возникло ни малейших сомнений в том, что было написано в тетради, ведь отцу я доверял безоговорочно. Больше всего хотелось продолжить чтение дальше или обсудить это с автором, но я прекрасно осознавал, что это невыполнимо. Но теперь, когда удалось получить ценнейшую информацию, перевернувшую все мои представления об устройстве мира и существах, его населяющих, давшую огромный толчок фантазии, я не собирался довольствоваться достигнутым.

На каникулах отец разрешал приходить к нему в контору, стараясь познакомить с основами труда адвоката. Ему нравилось, когда я помогал, например, подшивать документы секретарю – месье Галену. Иногда он поручал перепечатать какие-то бумаги, и я освоил машинку «Ремингтон». Я продолжал наблюдать, узнавать и допытываться, не у отца, конечно. Но как узнать, кто из клиентов не человек, если все они вели себя как обычные люди? Помог случай.

В тот день отец участвовал в судебном заседании, поэтому в конторе я находился вдвоем с месье Галеном. Подшивая архивные дела, я отвлекся, зачитавшись перипетиями интересного уголовным процесса, и не заметил, что за окном сгустились сумерки. Погруженный в работу секретарь, очевидно, забыл о моем присутствии и не торопил домой.

Я бы не обратил внимания на неприметного посетителя, если бы внезапный порыв ветра не распахнул окно, смахнув с подоконника бювар. Вздрогнув от неожиданности, я поднял взгляд и сквозь щель в неплотно прикрытой двери заметил, как, неуловимым движением оказавшись рядом, мужчина подхватил папку, прежде чем бумаги разлетелись по полу. Ни один человек не успел бы этого сделать, в этом я был абсолютно уверен. Однако месье Гален, кажется, не увидел в такой скорости ничего странного или необычно. Он вежливо поблагодарил клиента и, как ни в чем не бывало, придавил документы массивным пресс-папье.

Сжав взмокшие ладони, я лихорадочно соображал, как поступить. Неужели наконец-то я встретил одного из тех существ, о которых писал отец? Непреодолимое любопытство толкнуло на дерзкий поступок. Совершенно не задумываясь о возможных последствиях своего безрассудства, я выскользнул из конторы вслед за странным посетителем и попытался проследить за ним, как мне казалось, очень осторожно и незаметно. Надо сказать, это вряд ли помогло бы скрыть преследование, ведь слух у этих существ многократно превышает человеческий. Однако мужчина не таился, похоже, ему было все равно.

Увиденное в темном переулке, освещаемом холодным светом растущей луны, повергло в ступор, потом в шок, а следом пришел и ужас. Прижав к стене какого-то человека, клиент

отца пил кровь из его шеи. Поверить было просто невозможно, но я всегда доверял зрению, и сейчас оно не обманывало.

Почему в ту ночь я остался жив, до сих пор загадка. Вампир, отбросив мертвое тело, резко обернулся и впился в меня лютыми демоническими глазами. Из уголка рта, искривленного хищной улыбкой, стекала струйка крови. Я прирос к месту. По спине прошел ледяной ток. Я был уверен, что это мое последнее мгновение. Но на удивление, дьявол, сверкнув взглядом, скрылся за углом. Сколько я приходил в себя, не помню. Ноги слушались с трудом, и я поспешил воспользоваться услугами подвернувшегося фиакра. Попав домой, лишь сделал вид, что слушаю строгое внушение от волновавшейся матери. Извинившись, я закрылся у себя в комнате и в изнеможении рухнул на кровать.

Итак, я убедился сам – среди нас живут вампиры. Кем являлся тот человек не вызывало сомнений. Лежа без сна в темноте, даже не слишком удивлялся. Теоретически я давно был готов к этой встрече. Скорее, удивила собственная реакция. Что именно повлияло, не знаю, но я очень быстро разобрался в ситуации – детский мозг легко воспринимает подобные вещи. У меня хватило ума и осторожности сохранить эту историю в тайне и не рассказать о ней даже Луке. Зато все это дало мне богатейшую почву для размышлений и в нужный момент позволило принять верное решение.

Глава 5

1904-1909 гг. (Париж)

В ходе взросления сошли на нет безобидные шалости, уступив место иным, куда более захватывающим забавам и интересам. А открытие мира таинственных мистических существ, обитающих рядом с нами, не отвлекло меня от познания иных, еще более манящих, сторон жизни.

Впервые я испробовал вкус женщины в шестнадцать лет. Уже в этом возрасте я почти вошел в полный рост – выше среднего, имел широкий разворот плеч при узких бедрах и вкупе с костюмами от известных модельеров производил сильное впечатление на слабый пол. Я постоянно ловил заинтересованные, а порой даже горящие взгляды девушек, молодых (и не слишком) женщин, и это мне чрезвычайно льстило.

Старшие друзья хвастались, что первый альковный опыт получили у жриц любви, попросту – в борделях. Я вполне серьезно обдумывал такую перспективу, но судьба подарила отличный шанс, который я не мог упустить. Однажды осенью, когда я вернулся из лицея на выходные, мне представили новую гувернантку сестренки. Ноэми обучалась дома, и у нее были хорошие преподаватели. Но мадемуазель Розен сразила меня наповал, причем, далеко не ученостью. Вспоминая ее сейчас, я признаю, что это была достаточно заурядная, молодящаяся особа лет двадцати восьми, сохранившая фигуру с пышным бюстом, создававшая внешний вид благопристойности со скрытыми демонами неудовлетворенности внутри.

Поначалу я не обратил на гувернантку особого внимания. Пару раз, продефилировав мимо, она едва не задевала меня своими формами, заставляя вежливо отстраняться, уступая дорогу. Когда я находился в родительском доме, грязные мысли не спешили меня посещать, и я не придал значения ее маневрам. Потом на меня налетела сестренка, соскучившись за неделю, пытаясь выложить скороговоркой все свои новости. Я совершено забыл об учительнице, с удовольствием общаясь с Ноэми, которая в восемь лет казалась самой прелестной и милой девочкой на свете.

Позже, когда мадемуазель Розен усадила ее за вышивание, а родители отправились в театр, я устроился в домашней библиотеке, предполагая обычные скучные выходные и надеясь скоротать время за интересной книгой. Стоял почти по-летнему теплый вечер. В открытое окно, покачивая гардины, легкий ветерок приносил запахи прелых листьев, вдали слышались печальные звуки шарманки. Я, вероятно, увлекся, потому что не заметил приоткрывшейся двери и скользнувшей в полумрак комнаты, освещаемой настольной лампой, женской фигуры.

Опомнился, лишь когда она была уже рядом и так близко, что не выдерживали никакие приличия. Сидя в удобном кожаном кресле, я поднял взор и уткнулся прямиком в женскую грудь. Верхние пуговицы строгой блузы гувернантка предусмотрительно расстегнула так, что предоставлялся отличный обзор, при этом сохраняя простор для фантазии. Помню, как непроизвольно сглотнул, хотя во рту пересохло от волнения и неожиданно напавшей робости. Соблазнительница это явно понимала, потому что сразу все взяла в свои руки. В прямом смысле. Я и моргнуть не успел, как оказался с расстегнутыми брюками и буквально задохнулся от взорвавшихся эмоций.

– Не волнуйтесь, месье, мы совершенно одни, а мадемуазель Ноэми основательно занята, – мурлыкала красотка, вытворяя что-то немыслимое.

А кто, собственно, волновался? Мне на тот момент было плевать абсолютно на все вокруг, кроме нежных, но ловких пальчиков гувернантки. Кровь молотом стучала в висках, а мозг полностью перестал функционировать, отступив перед инстинктом.

Закончилось все довольно быстро. Тяжело дыша, я вцепился в подлокотники кресла, а мадемуазель, сверкая глазами и насмешливо щурясь, как ни в чем не бывало, аккуратно вытирала рот платочком.

– Прошу простить, месье, но мне пора вернуться к своим непосредственным обязанностям, – опалила жарким дыханием обольстительница и легонько куснула при этом мое ухо.

И тут я перестал себя контролировать. Практически не соображая, что делаю, я просто задрал ей юбку и в мгновение ока овладел прямо на отцовском столе. Ничуть не смутившись, она рассмеялась грудным смехом, распалившим меня еще больше, и прошептала:

– Не надо торопиться. Джентльмен не действует вот так с наскока. У нас много времени. У юного месье огромный потенциал, а я – хорошая учительница. Я покажу тебе, как зажечь женщину, и вскоре ты поймешь, что в танце участвуют двое, и только так можно достичь наивысшего удовольствия.

Конечно, я не мог не поделиться с Лукой важной новостью, что стал мужчиной. Без излишних деталей, естественно, не пристало джентльмену, да он и не расспрашивал. Тем не менее, это не оставило его равнодушным. Приятель по-прежнему не выдавался ростом, выглядел младше своих лет, да и внешность имел довольно заурядную. Лишать его невинности никто не торопился, зато поспешил он сам, явно подгоняемый завистью к моему неоспоримому лидерству.

Скопив карманных денег, парень отправился в бордель, похоже, не самого высокого уровня. Мужественность ему подтвердить удалось с не слишком чистоплотной проституткой. Одного раза оказалось достаточно, чтобы бедняга подцепил скверную болезнь, к сожалению, широко распространенную во Франции. В итоге Лука приобрел совсем не тот опыт, к которому стремился. Регулярные походы к доктору, унизительные медицинские процедуры, да еще и месье Дюкре известили о специфической проблеме со здоровьем у несовершеннолетнего сына-лицеиста. В общем, не повезло.

Кларисса, так звали мою «наставницу», выполнила обещание. Она учила сохранять хладнокровие, не терять голову и заботиться не только об удовлетворении своей похоти, но и о партнерше. Вскоре я уже не позволял ей руководить, и она с радостью отдавалась в мою власть везде, где только можно, всем видом показывая, какой я отличный ученик. Глядя на нее, разомлевшую и потную от страсти, я буквально раздувался от осознания собственных талантов.

Мы использовали малейшую возможность, любой шанс скрыться от моих родных, забиться в каморку, чулан, подвал, чердак, куда угодно, и предаться головокружительному экстазу. На это оставались только выходные. Всю неделю я проводил в лицее, забыв об учебе, мечтая и представляя, как вернусь домой и вновь и вновь буду брать Клариссу в самых разнообразных позах и местах.

Из разговоров старшеклассников я узнал, что подобное – не такая редкость. Гувернантки, устраиваясь в семью, прекрасно понимали, что помимо работы с детьми, им, возможно, предстоит оказывать специфические услуги и отцам, а иной родитель даже оплачивал уроки амурной чувственности подросших сыновей. Многих это вполне устраивало, к тому же приносило «наставницам» дивиденды в виде подарков или вознаграждений. Так и я, в меру возможностей, считал долгом одаривать «учительницу» приятными мелочами, которые принимались с неизменной благосклонностью. Постоянные мысли о многообещающих взглядах украдкой, о ее выдающихся прелестях позволяли скрасить учебные будни и дождаться конца недели.

Нетрудно догадаться, что, в конце концов, мы были пойманы на месте преступления. Причем на пике удовольствия. Я поудобнее устроил Клариссу на большом сундуке в кладовой, закинул ее стройные ноги себе на плечи и заставлял в кровь кусать губы, сдерживая рвущиеся стоны наслаждения. И тут вошел отец.

Разумеется, не проронив ни слова, он сразу же вышел и дал нам возможность привести себя в порядок. У Клариссы пылали щеки то ли от стыда, то ли от волнения, а я почему-то

был абсолютно спокоен. Я ни на мгновение не усомнился, что родитель все прекрасно понял и не станет делать трагедию из увиденного. Он ждал нас в гостиной с серьезным лицом, но я уловил в его взгляде искру веселья и… гордости? Наверняка осознает, что сыну пришло время становиться мужчиной.

Я не ошибся. У нас произошел обстоятельный разговор. Отец отнесся ко мне как к взрослому и сознательному. Сказал, что закроет глаза на наши шалости и даже рад, что сын будет удовлетворять похоть в родных стенах, а не где попало. У него имелось только несколько условий. От меня требовалось соблюдать конспирацию, чтобы ни мама, ни, уж тем более, Ноэми ничего не узнали. А от мадемуазель Розен, как от взрослой опытной женщины, он потребовал осторожности, чтобы не оказался зачат ребенок. Разумеется, обещания были даны, тема закрыта, и мы продолжали «внеклассные занятия» с очаровательной «учительницей» еще несколько нескучных месяцев.

Расстались мы очень тепло, унося память о незабываемом наслаждении, а я еще и немалый опыт. Сейчас это вызвало ностальгическую улыбку. Время наивности и первых открытий, познания себя, наиболее приятное в жизни человека. Мне бы хотелось сохранить эти воспоминания, как дорогие сердцу сувениры прошлого.

***

Став студентом, я пытался помогать отцу более серьезно, чем в подростковые годы, полагая это хорошей практикой на будущее. Но он охотно допускал меня лишь к легальным делам, не приносящим большой выгоды. А мне хотелось начать, наконец, зарабатывать деньги. Честолюбие требовало независимости, но Гаэтан считал, что в этом нет никакой необходимости, и что я должен все силы отдавать учебе, ведь я имел доступ к семейному счету и в финансах не ограничен. Я пользовался доверием родителей, это льстило, но с определенных пор перестало меня устраивать.

Я вел интересную, насыщенную студенческую жизнь. Здесь не ставили оценок по поведению, да и вырос я давно из детских шалостей. С Лукой виделся гораздо реже, хотя по-прежнему считал его лучшим другом. Он также пошел по стопам отца – изучал банковское дело. К тому же, стал довольно серьезным, даже занудным, вступил в партию радикал-социалистов и старался достичь на этом поприще определенного положения. Я тоже был в курсе политической жизни страны, но уже тогда пребывал в уверенности, что настоящие властители Франции – серые кардиналы, это не те, о ком пишут ежедневные газеты, и не люди они вовсе. Партийная мышиная возня привлекала мало. Наши дороги постепенно расходились.

Именно тогда сдружился с однокурсником – Золтаном Леговецом – сыном чешского мигранта. Это был веселый, обаятельный и очень активный парень. Мы сблизились на почве спорта: гольф и теннис, конкур и бокс, а также фехтование – все, чем увлекалась золотая молодежь, попадало в сферу наших интересов.

Достаток его семьи был значительно скромнее, но я никогда не выбирал друзей по толщине кошелька. Месье Леговец-старший владел несколькими авторемонтными мастерскими. Чтобы обеспечить свои финансовые потребности не обременяя отца, Золтан подрабатывал в одной из них, хотя в перспективе видел себя на юридическом поприще.

В мастерской я провел с другом немало свободных часов. Можно сказать, это стало любимым местом времяпрепровождения, а также источником новых знаний и умений. Этим я никогда не пренебрегал, считая, что никакое образование не станет лишним багажом. Завораживающе красивые и глянцевые снаружи, с поднятым капотом автомобили буквально приводили в экстаз, открывая секреты механического чуда.

У Золтана имелся свой автомобиль, предмет личной гордости – «Малышка Пежо», самостоятельно восстановленный из полумертвой рухляди после аварии. На нем я приобрел первые навыки вождения, все сильнее влюбляясь в железных коней, уверенный, что вскоре они заполонят городские дороги, вытеснив транспорт на конной тяге.

Не стало неожиданностью, что мои друзья не слишком понравились друг другу. Лука свысока поглядывал на тех, кого считал ниже по происхождению или материальному положению, презирал физический труд. В свою очередь, Золтан называл его заносчивым болваном, снобом и ханжой. Не вставая ни на чью сторону, я оставил каждого при своем мнении. С Лукой меня связывали давние приятельские отношения, проверенные годами, а с Золтаном несравнимо более общие интересы и увлечения, не говоря о жизненных принципах.

Технический прогресс продолжал победное шествие по стране, активно росло автомобилестроение. Отец, поддавшись моде, позволил себе роскошный «Рено» 1907 года выпуска, хотя по старинке чаще использовал конный экипаж.

Появление новой техники дало толчок развитию связи. Телеграфные и телефонные провода все сильнее опутывали планету, а гениальное изобретение беспроводных радиопередатчиков позволяло общаться едва ли не с любой точкой земного шара.

Падкий на все новое и удивительное, несомненно несущее огромную пользу человечеству, я не мог обойти вниманием и эту сторону прогресса. Наверняка, на все, что хотел познать пытливый мозг, неуемное любопытство и природная любознательность, не хватило бы времени. Однако ограничиваться поверхностными знаниями не в моих принципах. И жизнь услужливо подкидывала возможности, которые я старался не упускать.

Военный закон гласил: «Каждый француз является солдатом и несет обязанность защищать нацию». Для отца эти слова и боевая слава предков были наполнены особым смыслом. Тогда как мне, человеку мирного времени, в отличие от императора Наполеона, не мешали спать лавры Александра Македонского.

В старших классах лицея, как и большинство одноклассников, я занимался в школьном батальоне по программе начальной военной подготовки. Причиной этого являлась отнюдь не нацеленность на дальнейшую карьеру, а скорее, мальчишеская любовь к оружию, желание помериться силами, дух соревнования и, конечно же, одобрение отца.

Однако в университете подготовка к службе студентов являлась уже общеобязательной, вне зависимости от выбранной профессии. По окончании пятого курса, сдав положенные экзамены по избранной военной специальности, вслед за дипломом бакалавра мы получали и лейтенантские эполеты.

Являясь человеком практичным и дальновидным, в качестве специализации, несмотря на широту выбора более героических и почетных войск, я предпочел стать офицером связи. О решении своем не пожалел, приобретя желаемые знания о принципах работы радио, шифровальном деле, азбуке Морзе и многом другом, что в будущем неоднократно пригодилось.

***

В университетские годы женщины в моей жизни стали играть уже существенную роль. Все же у студента возможности для этого обширнее. Не секрет, что среди парижских девиц имелись как скромные строгие создания, которые видели себя с мужчиной только в браке и смутно представлявшие интимную сторону жизни, так и довольно легкомысленные особы, охотно проводившие время с молодыми аристократами.

С целомудренными девушками я предпочитал не заводить отношений, с уважением относясь к их жизненной позиции. Именно из них впоследствии получались самые достойные и преданные жены и матери. Себя я считал не готовым к браку и не видел пока в этом особой необходимости. Молодость слишком весела и приятна, чтобы ограничиваться одной единственной, пусть и любимой. Гораздо больше времени я уделял второй категории девушек.

Вскоре мне довелось познакомиться с той, которая оставила немалый след в моей жизни. Я завершал последний курс бакалавриата, одновременно получая второе высшее образование, на этот раз естественное, став изучать химию и физику, когда на одном из шумных студенческих сборищ друзья познакомили меня с Флор Серайз Бронье.

Это была яркая восемнадцатилетняя прелестница – стройная, белокурая, с пышными формами и очень высокой самооценкой. Не скажу, что она обладала большим интеллектом – моя сестренка-подросток в свои пятнадцать была гораздо умнее и образованнее. Скорее, Флор отличалась женской хитростью и житейской хваткой, и поклонников привлекала благодаря щедрости природы, одарившей ее самыми привлекательными для мужчин достоинствами. Попался в ее сети и я. Надо сказать, страстные женщины всегда являлись моей слабостью, а тут и вовсе голову потерял.

В постели проявилась вся глубина ее познаний и талантов. И кто только обучил всему? Считая себя весьма искушенным в этом плане, я и то немало удивился. В интиме она позволяла себе и партнеру почти все, любые прихоти, и была неутомима и изобретательна.

Лишь обычную плотскую близость она запрещала, как объяснила, чтобы у будущего мужа претензий не возникло. Это меня изрядно коробило: неужели имеет значение лишь то, что она сохранила девственность, а то, что перебывала в постели со многими – не важно? В то же время это порядком интриговало и заводило: всегда хочется именно того, что недоступно.

Особенно веселой и податливой она становилась, если получала подарки, в первую очередь – драгоценности. После примерки очередного колечка или броши красотка взрывалась фонтаном безумных идей, которые тут же на практике и осуществляла. И я все глубже запутывался в ее паутине. Чтобы не просить у отца крупные суммы денег, хотя он бы и не отказал, я старался больше работать. В постоянной погоне за доходами ввязался в несколько сомнительных и незаконных предприятий, однажды весьма неудачно, после чего имел значительные проблемы.

В тот раз из жандармерии меня вытащил отец. Использовав влияние и связи, он разрешил инцидент внушительным штрафом. После чего у нас состоялся первый серьезный разговор. Родитель настоятельно советовал взяться за ум и перестать растрачивать жизнь и молодость на бесполезные, а зачастую и криминальные прожекты, заняться настоящим делом. Вняв голосу разума, я на некоторое время последовал совету, что сразу же отразилось на моем финансовом состоянии и на настроении капризной девицы, требующей постоянных вложений.

Вот тогда-то Флор и сообщила, что нам придется расстаться, так как она собирается замуж. Родители нашли ей пожилого жениха – толстого и лысого как коленка. Известие меня очень расстроило, и задетое самолюбие не давало покоя, ведь это я прежде бросал наскучивших девиц. Не мог смириться, что на этот раз отставным окажусь я сам, что она не теряет от меня голову, как большинство любовниц до нее.

Неужели старик более привлекателен, чем я? Я готов был сам сделать ей предложение, чтобы спасти от этого мезальянса. Но, как оказалось, она совсем не огорчена. Пусть жених не первой свежести, зато имеет дворянский титул и, что еще важнее, солидный капитал. Это позволит ей иметь доступ в высший свет и вести соответствующий образ жизни, к чему она и ее родители очень стремились.

– Так что извини, Джори, ты, конечно, красавчик, но для замужества не подойдешь, – будто ледяным душем окатила Флор, не скрывая своего довольства.

– А как же любовь? Как же чувства? Как же все, что между нами было? – не отступал я.

– Да брось, Джори, не будь наивным, для семейной жизни это совсем не главное! Возможно, мы продолжим встречаться позже. Старый муж – не поводок, – и она довольно захихикала.

Странно. В своей семье я наблюдал иное. Родители, чей семейный стаж составлял более тридцати лет, по-прежнему смотрели друг на друга с обожанием. И я был уверен, что так и должно быть.

– Впрочем, – добавила она, – если бы у тебя нашлись приличные капиталы, твою кандидатуру можно было бы рассмотреть, так как с деньгами любое положение покупается.

Еще лучше! Мама вышла замуж, когда отец был беден, и ни разу не пожалела о своем решении. Конечно, Гаэтан пошел на многое, чтобы добиться материального благополучия для семьи, но, уверен, если бы у него ничего не получилось, мама никогда бы не упрекала его. А меня, значит, как вариант рассматривать станут только в финансовом плане?

Уязвленное таким резким отказом самолюбие требовало немедленных действий. Я знал, что доказать наследный титул мне не составит труда, ведь все документы хранились у отца. Более того, он мечтал, что, когда я выучусь и начну строить карьеру, моя фамилия вновь станет звучать как Д'Ансело. Но неужели только это способно растопить сердце высокомерной блондинки? Гложимый раздражением и обидой, я твердо решил, что так это не оставлю.

Благо, учеба закончилась. Родители, сияющие от гордости за успехи сына, с большой радостью поздравляли с получением диплома бакалавра и медалью Сорбонны, врученной как одному из лучших выпускников. Больше не было отговорки, чтобы не допускать меня ко всем делам, моей необходимостью все силы отдавать образованию. И тогда я настойчиво попросил разрешения работать с отцом на постоянной основе, потому что мне нужны деньги. Экзамены за магистратуру я вообще собирался сдать экстерном.

Но Гаэтан категорически отказал. Он заявил, что готов помогать сколько необходимо, но я должен очно получить диплом магистра, а потом заниматься только честной практикой, а не идти по его пути. Это привело к тому, что мы первый раз в жизни серьезно поссорились. В пылу спора было сказано много лишних слов. Каждый стоял на своем, и отец в сердцах заявил, что в его доме все должны жить по его правилам. Темперамент у нас обоих чисто французский, горячий. Закончилось это тем, что я ушел, хлопнув дверью, решив начать жизнь с нуля.

Как ни странно, именно этот – самый первый этап самостоятельной жизни – дался достаточно легко. Состоятельные приятели без проблем ссудили мне определенную сумму без поручительства. На первое время я снял небольшую квартиру и открыл при ней же юридический кабинет. Предпочитая учиться на чужих ошибках, я не собирался годами перебиваться мелкими заработками, прежде чем на себе осознаю, что большие капиталы обычно сколачиваются не самыми легальными методами. Но ведь не опубликуешь же объявление в газете и не напишешь на рекламной вывеске: «Оказываю незаконные услуги представителям криминальных структур». Поэтому в самом начале я не пренебрегал ничем, да и времени было больше, чем заказов.

Глава 6

1910-1911 гг. (Париж)

Клиенты нашлись достаточно быстро. Способностей и знаний мне хватало, маловато было лишь опыта, чтобы составлять конкуренцию отцу. Не имея ни громкого имени, ни рекомендаций, я мог соблазнить некоторых разве что демпинговыми ценами, но понимал, что это совершенно бесперспективный путь. Вырученных средств едва хватало на то, чтобы рассчитываться с долгами и скромно содержать себя.

Но это практически и являлось тем вариантом, который предлагал Гаэтан. А мне очень хотелось всего и сразу. Упорства и наглости было не занимать. Я часто бросался в опасные и рискованные авантюры, но природная изворотливость и проницательность до поры до времени помогали выходить сухим из воды. Но все же я прекрасно понимал, что для реального прорыва в этой сфере необходимо завоевать имя в узких, но влиятельных криминальных кругах. И вот однажды подобная возможность мне подвернулась.

Формально – дело двух конкурентов-бизнесменов, а фактически – война полууголовных монополистов, активно делящих сферу влияния в фармацевтической отрасли. Одного из соперников, господина Муцио, защищал недавно громко заявивший о себе адвокат Модаус Гринберг. Отнюдь не начинающий, прежде он подвизался где-то в провинции, поэтому раньше я о нем не слышал.

Однако его восхождение на юридический Олимп столицы оказалось весьма впечатляющим. Несколько совершенно безнадежных, на первый взгляд, процессов, которые он с блеском выиграл, и ни одного проигрыша произвели соответствующий эффект. С другой стороны, это еще ни о чем не говорило: какой-то провинциал вообразил себя великим адвокатом. Возможно, роль сыграло везение или ошибки второй стороны, а может, дело в обычном подкупе. Очевидно, это было слишком самоуверенно, но я не считал его непреодолимым препятствием. И уж если он смог, неужели я с моими талантами не обойду этого выскочку?

Сейчас-то я был практически уверен, что Гринберг – вампир, нагло использующий свои преимущества, что, на мой взгляд, не только незаконно, но и абсолютно неспортивно в судебных процессах. Догадайся я на тот момент, что успехи оппонента – заслуга его сверхъестественных возможностей, не был бы столь самоуверен.

Внутренний голос ясно подсказывал, что это и есть редкая возможность проявить себя и завоевать авторитет, а упускать удобные моменты я не привык. Теперь возникла необходимость заручиться доверием соперника господина Муцио – нашего соотечественника месье Лавассера. Представлять его интересы рьяно взялся молодой юрист этой же фирмы – Фабрис Дефоссе. На мой взгляд, шансы этой стороны смотрелись более выигрышно, несмотря на то, что многие отдавали пальму первенства «зарвавшемуся» Гринбергу. Что же, тем ярче выглядела бы моя победа.

Я осторожно прощупал Дефоссе, чтобы он уступил дело мне, но он оказался крепким орешком или, как и я, увидел свои перспективы. Я пытался использовать все, что мог, но ни деньги, ни посулы, ни уговоры, ни давление не принесли результатов. Более того, он еще попробовал свысока учить меня: мол, так дела в юриспруденции не делаются.

Это только разозлило. Я же видел: вот оно, блестящее будущее, а какой-то мелкий клерк стоит на пути. Однако я не из тех, кто пасует перед препятствиями. Чем сильнее оказывалось сопротивление, тем больше хотелось его преодолеть. К тому же, мое финансовое положение на тот момент было довольно плачевным, рос долг за квартиру, страдали чувства собственного достоинства и независимости. Слишком много это дело значило, и я оказался готов поставить на карту все, а если будет нужно, то и по головам пойти. Впрочем, именно так я, не чинясь, и поступил.

«Так дела не делаются», считал Фабрис, значит, сделаются иначе, но не уступлю. В данном случае, уверял я себя, цель оправдывала средства, а вступая на этот путь, я знал, что он выстлан не розами, и что нередко придется закрывать глаза на дурные запахи, но результат того стоит.

Одному из главарей мелких уголовных элементов мне довелось оказать несколько услуг, так что он без возражений организовал ограбление самоуверенного Фабриса, когда тот возвращался домой. Я не имел права рисковать жизнью и свободой, а, тем более, репутацией отца, поэтому исполнителям были даны конкретные указания.

Нанеся сзади несколько ударов арматурой, они взяли у потерявшего сознание юриста в качестве вознаграждения кошелек и дорогие часы. В итоге несговорчивый конкурент оказался на больничной койке с переломом ноги и сотрясением мозга. Узнав о результате, я ощутил укол совести, ведь еще не привык легко расталкивать всех локтями. Но и речи не могло идти о том, чтобы остановиться на полпути, в этом у меня сомнений никаких не осталось.

Оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы перехватить клиента у других коллег по цеху, оказалось проще всего. Настала пора готовиться к бою. Времени до назначенных слушаний почти не осталось. Пришлось на несколько дней забыть обо всем. Я не появлялся в Университете, не вспоминал о развлечениях, урезал до минимума сон, с головой погрузившись в бумаги. К первому заседанию, как мне казалось, я подошел вполне подготовленным.

Судебные прения тянулись долго, ничто не предсказывало серьезных осложнений. Надо отдать должное Гринбергу, язык у него оказался великолепно отточенным, и он мастерски владел вниманием аудитории. Тем не менее, мои аргументы выглядели весомее, факт пиратского захвата казался налицо. Я не сомневался, что весы Фемиды с каждым днем все сильнее склонялись в пользу моего доверителя, и уже мысленно представлял, как отпраздную победу.

Однако, как ни готовился я пожинать лавры победителя, в финальный день судебного заседания судьба сыграла злую шутку. Конечно, по прошествии лет, я смог на все посмотреть иначе. Суть и детали процесса сейчас совершенно не имеют значения. Но то, через что мне пришлось пройти, болезненные уроки, скорее, можно назвать подарком Судьбы, великолепной тренировкой характера. Ведь все серьезные препятствия, которые она в дальнейшем передо мной ставила, не ломали меня, а закаляли, заставляли брать вершины круче, расти над собой, и, наконец, сделали тем, кем я стал.

Но все это пришло потом, а тогда, одетый в новенький костюм, готовый к минуте славы, я говорил с трибуны заключительную речь. Однако, когда уверенный в победе, усаживаясь на место, я столкнулся взглядом с Гринбергом, сердце почему-то екнуло. Он посмотрел снисходительно-насмешливо, а ведь должен бы уже посыпать голову пеплом.

Финальное слово противника стало не просто неожиданностью. Все казавшиеся нерушимыми доводы он легко смешал с землей. Складывалось впечатление, что в предыдущие дни прений хитрый еврей просто играл в кошки-мышки, позволяя наивно на что-то надеяться.

Он уничтожил нас, буквально раздавил. Великолепно владея тонкостями Кодекса Наполеона, как до сих пор неофициально назывался Гражданский кодекс Франции, а также другими постановлениями, законами и подзаконными актами, он не оставил мне ни малейшей возможности. Чувствовал я себя так, словно меня, как попавшегося воришку, на глазах гогочущей толпы прилюдно высекли на базарной площади. До сих пор от позорных воспоминаний горчило во рту, тогда же я чувствовал себя с головой втоптанным в грязь. Еще до вынесения судом окончательного вердикта, я прекрасно видел, что у нас не осталось ни одного шанса. Только врожденная гордость и самолюбие не позволили малодушно бежать из зала до окончания заседания.

Конечно, решение было вынесено полностью в пользу Муцио, мы проиграли. Возникло страшное желание немедленно напиться, лишь бы хоть как-то, пусть на время, забыть о своем унижении.

Месье Лавассер обошелся без упреков. Он даже предположил, что оппонентам удалось купить судью, но я-то прекрасно понимал, что их победа заслуженная. Поэтому, когда он предложил подать апелляцию, я, собрав остатки ума и мужества, посоветовал обратиться к одному из моих более опытных коллег, однако честно предупредил, что не вижу в этом смысла. Добил меня в итоге сам Гринберг, встретив в коридоре. Придержав за руку, когда я хотел проскочить мимо, он назидательно произнес:

– Молодой человек, адвокатура – явно не ваша стезя. Если уж вам так жаль средств, затраченных на образование, станьте нотариусом, что ли, или в полицию можно пойти служить.

До сих пор горжусь, что я смог сдержаться, лишь коротко бросил ему:

– Оставьте ваши советы, месье Гринберг, для ваших клиентов, я в них не нуждаюсь, – и, высоко подняв голову, пошел дальше.

«Это конец всему», – билось в голове.

Ко всему прочему, я не сомневался, что завтра же отец об этом узнает. Помимо того, что он следил за судебной практикой, уж громкое дело, которое вел его сын, наверняка не пропустит. А я-то еще представлял, с какой гордостью упрямец прочитает о первом серьезном успехе отпрыска.

Никогда еще мое самомнение не получало подобного удара. Я с детских лет привык быть лидером почти во всем. А уж если серьезно за что-то брался, успех был обеспечен. А теперь хоть из Парижа беги. Может, и сбежал бы, да кто гарантирует, что на новом месте не подстерегут другие удары судьбы. И что, каждый раз бежать? А вот напиться, как я мечтал, это крайне необходимо. Но идти сейчас в кабак не стоит, еще встречу кого-нибудь из знакомых, а насмешки, сочувствие или даже желание поддержать и отвлечь сейчас – это как рану расковыривать.

Стояла поздняя осень, пасмурная, зябкая и неуютная. Мощеные тротуары покрылись лужами, и модные штиблеты быстро промокли. С неба вместе с мелким дождем срывались хлопья мокрого снега, заставив раскрыть зонт. Настроение как раз соответствовало погоде.

Взяв в ближайшем винном магазине пару бутылок коньяка, я поймал извозчика и поехал на квартиру. Это первый раз в жизни, когда я решил с горя в одиночестве напиться. Что же, все когда-то случается впервые, повод, на мой взгляд, более чем подходящий. И еще я упивался жалостью к себе. Чувство абсолютно новое и крайне неприятное. Если в будущем меня ждут такие же результаты, я не то что в нотариусы подамся, а сопьюсь, опущусь, словно тот клошар, расположившийся на матрасе прямо в подворотне напротив моих окон.

Приняв горячий душ и переодевшись, мрачно глядя на мир вокруг и на собственное будущее, усевшись в рабочее кресло, я плеснул янтарную жидкость в широкий бокал и выпил одним глотком, чувствуя, как по жилам растекается приятное тепло. Израненная гордость никак не успокаивалась. Я не привык терпеть поражения, я попросту не умел этого делать и не желал учиться. Но и жить с подобным унижением невозможно. Внутри все бурлило и кипело, и я не представлял, как быть дальше.

Я снова наполнил бокал, согревая его в ладони, пытаясь взять себя в руки, расслабиться, неторопливо смакуя и наслаждаясь ароматом благородного напитка. Ничего не получалось. Вновь и вновь я возвращался к событиям сегодняшнего дня, испытывая почти физическую боль от произошедшего. Что же все-таки случилось? В чем я ошибся, что сделал не так? Ведь был уверен, что отлично подготовился. Как ни хотелось мне поскорее все забыть, триумфальная речь Гринберга упорно и почти дословно крутилась в голове, словно вырезанная на извилинах мозга, как звуковые дорожки на грампластинке.

Проклиная отличную память, поняв, что так просто от этого не избавиться, отбросив стыд и другие эмоции, я позволил себе еще раз тщательнейшим образом обдумать все доводы и аргументы ушлого еврея. Выпив еще бокал, я понял, что в голове лишь прояснилось, и еще не понимая зачем, приступил к тщательному анализу. В зале суда все доводы оппонента

выглядели безупречными, но после неторопливого и методичного мысленного разбора я вдруг осознал, что некоторые якобы бесспорные положения следовало тщательно перепроверить. Правда на это потребуется время, причем значительно больше, чем отведено на обжалование. Возможно, нам удалось бы протянуть, откладывая заседание, для этого существовали несложные уловки, но я должен найти хотя бы формальную причину для апелляции.

А вот тут-то к Гринбергу придраться оказалось сложнее всего. Видимо, и другие его победы происходили без дальнейших обжалований, потому что он оказывался особенно силен в соблюдении формальностей. Однако я был бы не я, если бы так просто смирился. Вновь и вновь пропуская через себя каждое слово, я вдруг почувствовал, как что-то едва заметно царапнуло. Крошечная зацепка, которая, скорее всего, ни к чему не приведет, но все же я не мог не отметить ее. Возможно, пустяк, но это было что-то, и звоночек в голове упорно трезвонил.

Теперь крайне необходимо с кем-то посоветоваться, причем срочно, или хотя бы просто заставить выслушать и понять со стороны, как это прозвучит. Едва ли я нашел бы советчика, лучше, чем отец. Но именно сейчас, реши я помириться, после такого позора никак не смог бы к нему обратиться. Легче сквозь землю провалиться. Пожалуй, только два человека поняли бы меня так, как необходимо – Золтан или Лука. Уже вечер, и мы ни о чем не договаривались, но на то ведь и друзья, чтобы прийти на помощь хоть среди ночи.

Наверное, мой однокурсник оказался бы особенно полезен, ведь для него юриспруденция не пустой звук, да и парень он очень умный, но его не было в городе. В то время, когда я увлекся Флор, в семье друга произошло несчастье – у отца случился апоплексический удар, после чего оказалась частично парализована половина тела. Все дела месье Леговца-старшего вынужденно принял Золтан. Забыв о юридических планах, он с головой погрузился в проблемы автомастерских, причем с немалой пользой для бизнеса. В данный момент товарищ находился в деловой поездке то ли в Италии, то ли в Германии.

Значит, обращусь к Луке. Телефон в моем съемном жилье отсутствовал, придется взять извозчика и доехать до друга. С грустью убедившись, что штиблеты еще не высохли, я достал другую пару. Вспомнив, что творится на улице, натянул еще гамаши и обул галоши. Тщательно экипировавшись, я отправился ловить пролетку или такси, мечтая о том, что как только встану на ноги, приобрету автомобиль.

Как назло, в такую погоду извозчики будто попрятались, за что их и судить-то грех. Но меня уже ничто не могло остановить. Почти на половине дороги я поймал повозку и вскоре уже дергал колокольчик в особняке Дюкре. Горничная, распахнувшая дверь, к великому огорчению сообщила, что молодого месье нет дома. На вопрос, не знает ли она, где я могу его отыскать, женщина, знавшая меня много лет, тихонько шепнула, что у Луки сегодня свидание, возможно, с будущей невестой.

Вот дьявол, что же делать-то? Хорошо, хоть пролетку не отпустил. Пришлось возвращаться обратно. Мне непременно нужен подходящий слушатель. Я бы использовал для этой цели даже извозчика, но он оказался глуховат, к тому же, едва ли отличался сообразительностью.

Распираемый от невысказанного, я спрыгнул со ступеньки экипажа недалеко от дома, когда услышал, как клошар в подворотне недовольно заворчал:

– Почему так несправедливо устроен мир? Те, кто могут спокойно сидеть дома в тепле, есть жаркое и запивать стаканчиком вина, вместо этого таскаются черти-куда туда и обратно. А те, кто лишены такой возможности, не могут позволить себе спокойно подремать или помечтать, потому что мимо них постоянно кто-то бродит.

«Да он философ, – подумал я, усмехнувшись про себя. – И кажется неглупым, на удивление. Пожалуй, он-то мне сейчас и нужен».

Толком ничего не объяснив и не слушая возмущенных ругательств, я стащил с матраса полусонного нечесаного пожилого мужчину в лохмотьях, судя по всему, мывшегося в последний раз еще летом. Изо всех сил подавляя врожденную брезгливость и отвращение, пока он, вяло сопротивляясь, пребывал в раздумьях, то ли попытаться меня ударить, то ли сбежать, я отрывисто бросил:

– С меня вино и жаркое, а ты выслушаешь и дашь совет.

Оторопело вытаращив глаза, тот прекратил сопротивление, и я потащил его за рукав в ближайший дешевый кабак. Конечно, в приличное заведение моего спутника не пустили бы ни за какие деньги, да и здесь швейцар недовольно сморщил нос и хмуро преградил нам путь. Однако мой вид убедил его, и за солидные чаевые метрдотель разрешил нас обслужить при условии, что мы займем отдельную кабинку, чтобы не смущать остальных посетителей. Наконец, сделав заказ, я получил возможность произнести аргументы.

Слушатель мне попался отменный. Ловко орудуя столовыми приборами, он не только старательно внимал моим словам, но и обратил внимание на некоторые погрешности в логике. В итоге в моей голове сложился почти готовый вариант апелляции. Может быть, это лучше, что я не смог обратиться к Золтану или Луке. Для растерзанной гордости делиться позором даже с самыми близкими друзьями слишком болезненно. А этого бродягу я не знал и, надеюсь, больше никогда не увижу. Распрощавшись возле подворотни, я сунул клошару все деньги, которые оставались в карманах, и поспешил в свой кабинет.

Теперь недопитая бутылка коньяка показалась лишней. Я быстро все убрал и, обмакнув тонкое перышко в чернильницу, приступил к работе. Рука так и порхала над бумагой, едва поспевая за мыслью. Потом внимательно перечитав и внеся последние правки, я уселся за пишущую машинку, чтобы подготовить окончательный документ.

Ну, вот и все. Стояла глубокая ночь. Заявиться к Лавассеру явно неприлично. Я быстро допил остатки коньяка и улегся спать, провалившись в глубокий сон. Утром, как только счел удобным, я стоял на пороге дома доверителя. Месье Лавассер, конечно, удивился моему внезапному натиску, когда я горячо стал убеждать его в необходимости подавать апелляцию. Улыбнувшись в пышные усы, он проговорил:

– Действуйте, месье Ансело, я в вас не сомневался.

Наверное, так, как в этот месяц, я еще никогда не работал. К счастью, друзья меня поняли и не беспокоили. Даже о Рождестве я вспомнил лишь потому, что мама с Ноэми пришли накануне в гости, чтобы поздравить. Хорошо, что подарки я приготовил заранее.

Больше всего я боялся, что мама заговорит о моем позоре, захочет выразить сочувствие, или, еще хуже, скажет о том, как переживал отец. Благо, она очень деликатная и понимающая женщина и никак не затронула этот вопрос. Надеюсь, что Ноэми вообще осталась не в курсе произошедшего. Хорошо, хоть огромная загруженность не позволяла уделять внимание переживаниям и мучениям ущемленного достоинства. Меня едва не шатало от усталости и недосыпания, я осунулся, под глазами залегли тени, но к установленному сроку я полностью уверился в правильности принятого решения.

Сдав документы в канцелярию и встретившись с Гринбергом у судьи через неделю для назначения даты разбирательства, я уже спокойно выслушал его презрительное:

– Молодой человек, вы еще глупее и самонадеяннее, чем я думал. Неужели одного раза недостаточно? Или, может, вы мазохист?

– Вы склонны к поспешным выводам, месье Гринберг, – ответил я сдержанно. – Это непрофессионально. До встречи в процессе.

Оппонент от подобной наглости в лице переменился. Мне показалось, даже зарычал и глаза на мгновение кровью налились, но быстро взял себя в руки. Пусть считает меня наглым дураком, меня это вполне устраивает. Зато теперь есть два месяца, чтобы подготовиться.

Вот только, чтобы целиком погрузиться в работу, необходимо прежде закрыть финансовую брешь. Хозяин требовал уплаты задолженности и аванса за квартиру, грозя выселением, да и питаться я привык регулярно. Чтобы продержаться эти два месяца, я обратился к отцу Луки за небольшой краткосрочной ссудой. Месье Дюкре внимательно выслушал просьбу и, приподняв бровь, поинтересовался:

– Неужели дела вашей семьи настолько плохи, что Ансело понадобился заем? Позвольте, молодой человек, усомниться в этом. Ваш многоуважаемый отец держит счета в моем банке, так что я, как управляющий, вполне осведомлен, что это вовсе не так. Что же мешает попросить деньги у отца?

Я промолчал, не собираясь посвящать въедливого банкира в свои проблемы.

– Видишь ли, Джори, – строго проговорил он, очевидно заподозрив меня в неблаговидных делишках, – если ты по личным причинам не можешь использовать семейные счета, то тебе нужен поручитель. Если бы в этом качестве за тебя выступил Гаэтан, я бы без малейших сомнений и под самый минимальный процент ссудил тебе практически любую сумму.

Он замолчал, выжидающе глядя. А что я должен ответить? Если бы мог обратиться к отцу за поручительством, я бы просто попросил у него деньги, и мне не нужен банк Дюкре. Честно говоря, я ожидал, что друг сам за меня поручится, тем более, что мне требовалась сравнительно небольшая сумма, но Лука промолчал. Видно, не захотел следовать пословице: «Ami au prêter, ennemi au rendre» (фр.) – друга кредитовать – врага наживать. Или события, произошедшие со мной, подорвали доверие. В любом случае, я был неприятно удивлен и разочарован.

– Нет, месье Дюкре, – пришлось сознаться. – Я не могу обратиться к отцу. Спасибо, что уделили время, – и я поспешил откланяться.

Все, что нашлось ценного – пара золотых булавок для галстука, запонки, перстни я отнес в ломбард, собрал всю наличность и снял крохи, остававшиеся на счете. Рассчитавшись с долгом, я отказался от квартиры. Все личные вещи я перевез к Золтану, попросив подержать, пока подыщу недорогое помещение. Увидев такое дело, друг предложил помощь, но я знал, что ему приходится почти всю выручку отдавать банку, да и лечение отца стоило недешево.

Тогда Золтан настоял, чтобы я остался жить в их доме. Его мама, мадам Леговец, оказалась очень доброй и заботливой женщиной. Не имея возможности оплачивать прислугу, она сама содержала в порядке дом, прекрасно готовила, да еще помогала мужу, а теперь и сыну вести бухгалтерию. Теперь я смог целиком сосредоточиться на деле, понимая, что больше не имею права на ошибку.

И вот мы снова под крышей Дворца правосудия на острове Сите. В этот раз не предусмотрено длительных прений, все должно решиться одним днем. Речь моя текла легко и без усилий, но это пока была «легкая артиллерия».

После того, как я зачитал текст апелляционной жалобы, право выступить с возражениями было предоставлено Гринбергу.

Цель его выступления вполне ясна. Изначально он хотел выбить из-под моих ног малейшую опору, и, конечно же, постарался отвергнуть факты, изложенные в апелляции. Но он просчитался. Я уже теперь не тот Джори, что в прошлый раз, сегодня я оказался готов к бою и встретил его во всеоружии.

Уверенной и твердой походкой я вышел для ответного слова. Удивительно, но я почти не волновался. Мне не приходилось напрягаться и заглядывать в бумаги. Все аргументы и контраргументы оппонента, даже то, чего он не сказал – все это уже неоднократно проговаривалось мною мысленно и вслух.

Пока я вещал, по тому, как замер зал за спиной, как доброжелательно кивали в такт моим словам помощники председательствующего, я понимал, что я выиграл этот поединок.

После того, как я закончил, и судьи удалились в совещательную комнату, я посмотрел в сторону оппонента. Глаза у Гринберга полыхали гневом. Чем все это закончится, было ясно для нас обоих. Оппонент не смог найти возражений.

– Мы еще встретимся, Ансело, – по завершению злобно прошипел поверженный соперник, проходя мимо.

– Буду счастлив, месье, – ответил я, не сдерживая улыбки победителя.

Теперь я имел полное право торжествовать, тем более, что помимо морального удовлетворения, получил и весомое материальное подкрепление.

Глава 7

1912 г. (Париж)

Рекомендации и связи в околокриминальных кругах четы Лавассер сделали свое дело. Теперь серьезные клиенты стали обращаться ко мне куда чаще, и не только как к адвокату. Я почувствовал, что обладаю вполне приличными детективными задатками. Поиск необходимой информации, порой скрытой очень глубоко – это то, что оказалось для меня интересным и прибыльным делом.

Не желая больше обременять мадам Леговец, которая категорически отказалась брать плату за проживание, я снова снял квартиру и начал потихоньку вставать на ноги. А через полгода я узнал, что противостоять мне в суде снова вызвался Гринберг.

В этот раз состязание ни с одной стороны не напоминало «избиение младенца». Оба мы уже представляли, с кем имеем дело, и ни один не проявил излишней самоуверенности. Для меня это была возможность закрепить успех, доказать, что первая победа оказалась не случайной, а Модаус безусловно жаждал реванша. Все предварительные слушания проходили с переменным успехом, и до самого последнего момента, пока судьи не ушли в совещательную комнату, никто не брался назвать фаворита. Но я знал, я чувствовал, что уже не уступаю. И, важнее даже, чем вердикт, вынесенный в нашу пользу, для меня оказались слова Гринберга:

– Ну, что же, коллега, вынужден признаться, что действительно поторопился давать вам советы. Надеюсь, вы также понимаете, что почивать на лаврах я вам не позволю.

***

Через год я имел первый автомобиль, купленный, конечно же, в салоне у Золтана по его рекомендации. Друг за это время неплохо развернулся, почти полностью выплатил кредит, и дела пошли в гору.

Неплохо устроился и я – снимал жилье в престижном районе, имел приличный счет в банке, а вместе с ним росла и гордыня. Продолжая общаться с мамой и Ноэми, я упрямо отказывался сделать первый шаг и помириться с отцом.

Флор, видя мое растущее благосостояние, рассталась с перезрелым женихом и все чаще заговаривала о возможной свадьбе. Мне, конечно, это льстило. Приятно было осознавать, что я доказал всем, и в первую очередь ей, на что способен, фактически завоевал ее, ведь прежде женщины сами падали в мои руки. Наверное, именно это, плюс собственническое чувство привели к тому, что я почти готов был сделать официальное предложение, но почему-то колебался.

Возможно, образ светской львицы Флор не вполне соответствовал моим представлениям о той, которую я хотел бы видеть матерью своих наследников, продолжателей рода Ансело. Я осознавал, что семья – это не только общая постель и совместные выходы в свет. Пожалуй, в тот момент мне не помешал бы родительский совет, поэтому я вознамерился познакомить с потенциальной невестой маму.

Я надеялся, что ее мнение поможет принять окончательное решение и развеет сомнения. К тому же, я не сомневался, что она непременно расскажет о своих впечатлениях и отцу, что тоже в данной ситуации было нелишним. В то время мне еще не исполнилось двадцати пяти, а Флор двадцати одного года. Следовательно, в соответствии с Гражданским кодексом, я обязан спросить согласия Гаэтана на брак, а также заручиться ответом родителей Флор.

Впрочем, это лишь формальность. Я не сомневался, что, если решусь жениться и проявлю настойчивость, несмотря ни на какие ссоры, отец не встанет на пути моего счастья. А месье Серайз и так давно поглядывал на меня, как кот на сметану.

Я организовал встречу в ресторане, сняв отдельный кабинет, чтобы нам не мешали. На первый взгляд, все прошло успешно. Впрочем, мне сразу показалось, что на фоне моей утонченно-изысканной мамы, всегда имевшей отличный вкус, Флор выглядит простушкой, наце-

пившей массу ювелирных безделушек. Странно, что я не обращал на это внимание раньше. Впрочем, она всегда была неравнодушна к драгоценностям. Мы пили молодое Пти Шабли с мягкими сырами – Бри и Камамбером и неспешно общались. Потом подали отборные бургундские улитки с теплым хрустящим багетом и нежный луковый суп. А я впервые наблюдал девицу словно бы со стороны, как-то отстраненно.

Трудно было сказать что-то конкретное, но именно рядом с мамой я почувствовал во Флор что-то неуловимо-вульгарное, хотя, пожалуй, никак не смог бы это обосновать. Это как одежда от кутюр и ее подделка. Разницу не всегда можно заметить. Девица, конечно же, понимала, насколько важной может оказаться эта встреча, поэтому из кожи лезла вон, пытаясь произвести на возможную свекровь самое лучшее впечатление. Она старательно демонстрировала достоинства, хотя, на мой взгляд, переигрывала, что можно было объяснить волнением.

По окончании вечера мы завезли Флор к ней домой, а потом повернули в сторону Бельвиля. По дороге мама молчала, очевидно, обдумывая, как выразить мнение, но возле набережной Сены попросила остановиться. Мы вышли из машины, мама взяла меня под руку, и мы неторопливо двинулись вперед.

– Мой мальчик, – мягко обратилась она, остановившись у парапета и глядя на огни ночного города, отражающиеся в воде, – раз ты решил познакомить меня с девушкой, полагаю, это не просто одна из твоих знакомых. Очевидно, ты имеешь на нее определенные виды и, возможно, строишь планы на будущее. Поэтому, как твоя мать, позволю себе поделиться мыслями, возникшими после сегодняшней встречи.

Это именно то, что я хотел услышать.

– Конечно, мама! Твое мнение для меня очень важно.

– Хорошо, сынок. Вероятно, одна беседа не может дать полного представления о человеке, – осторожно начала она. – Но, все же, первое впечатление у меня сложилось. Бесспорно, Флор – девушка видная, яркая и модная, вполне сформировавшаяся, ее можно даже назвать красивой. Несомненно, она получила воспитание и знакома с этикетом. Наверняка, у нее найдется масса других достоинств, раз ты обратил на нее внимание. Однако, Джори, я вынуждена сказать, что она не та невестка, о которой мечтали мы с Гаэтаном.

Не слишком-то приятно слышать такое даже от любимой матери, хотя она, конечно же, не станет навязывать свои взгляды. Словно безупречность моего вкуса ставилась под сомнение, хотя я мог предполагать, что услышу подобное.

– И что тебе в ней не понравилось? – уточнил я. – Или что, по-твоему, должно быть у моей избранницы, чего нет у Флор?

– Я не увидела с ее стороны главного, Джори, – взяла меня за руку мама, грустно заглянув в глаза, – любви, того истинного уважения к тебе, как к будущему главе семьи, которое я всегда испытывала к твоему отцу, желания сделать тебя счастливым. Конечно, иногда семьи создаются по велению, скорее, разума, чем сердца, и лишь со временем приходят чувства – привязанность и даже любовь. Такие браки тоже нередко бывают счастливыми. Но мне показалось, что сердце у этой девушки эгоистичное и холодное, не знаю, сможет ли она по-настоящему полюбить. Да и в твоих глазах я не заметила того особенного чувства, с которым смотрел и до сих пор смотрит на меня Гаэтан.

Конечно, мы хотели, чтобы ты остепенился, порадовал нас внуками, но ведь это на всю жизнь, а она у тебя еще впереди. Так есть ли необходимость именно сейчас и именно с Флор строить серьезные отношения, ведь тебе только двадцать три года? Придет время, и ты непременно встретишь ту единственную. Ты взрослый и сам вправе решать, как поступать, доказал, что можешь не зависеть от родителей, и я не сомневаюсь, что хорошенько подумаешь и сделаешь правильный выбор, – закончила она.

Я отвез маму домой, осознавая, что вместо того, чтобы разрешить сомнения, разговор с ней, наоборот, усилил их. Конечно, во многом она права, но не говорит ли в ней женская рев-

ность, как нередко случается? Да и способен ли я полюбить кого-то так же сильно и преданно, как мои родители? И как назвать те чувства, которые я испытывал к Флор? Скорее всего, мама права, следует отложить этот вопрос, – подсказывал рассудок, хотя дух противоречия толкал на авантюру. В конце концов, это моя жизнь.

Тем не менее, я решил еще раз все обдумать и внимательнее присмотреться к Флор. Просто оставить ее, отказаться от плотских утех, на которые она неистощима, я не готов. К тому же, не давал покоя последний оплот ее девственности. Уж если и без этого она умудрялась дать фору другим девицам, что же ждет того, кто, наконец, преодолеет барьер? Словно Буриданов осел, сам себя не узнавая, я никак не мог на что-то решиться.

Днем я задумывался о том, чтобы расстаться, но как только мы оказывались в постели, сомнения исчезали. А, когда остывала страсть, начинало казаться, что рядом я хотел бы видеть совсем другую девушку – и внешне, и внутренне. Но настало время, когда ей, надоела моя нерешительность, и она дала понять, что пора определяться. Терпеть не могу, когда на меня давят, тем не менее, нужно было держать ответ. Я взял сутки на раздумье, взвесил под бутылку коньяка все за и против. Потом махнул рукой на сомнения и, пока снова не передумал, заехал в ювелирный магазин и купил изысканное колечко с крупным бриллиантом и цветы, намереваясь сделать предложение по всем правилам.

В этот вечер Флор меня не ждала, но я решил не терять время. Постучал молоточком, но мне подозрительно долго не открывали. Постучал вновь. Может, она устала и уснула? Но вот дверь скрипнула, чуть приоткрывшись, и я увидел удивленное лицо той, которую хотел назвать невестой.

– Джори? Мы же не договаривались на сегодня. У меня даже прическа не в порядке, – вид у нее, и правда, оказался довольно растрепанный, а еще растерянный и встревоженный, глаза так и бегали.

Ее поведение насторожило, что-то тут нечисто. И тут я увидел за ее спиной на вешалке модный мужской плащ, которого там быть никак не должно, и тут же все стало на свои места.

– У тебя гости? – уточнил я презрительно.

– Нет, я одна, но очень занята, – на ее лице выступили красные пятна, вот уж не думал, что она может испытывать стыд.

Разговаривать больше не о чем.

– Прощай, Флор! – я даже не обернулся на ее слабый, умоляющий протест.

Кольцо я выбросил в Сену, цветы в урну, и, честно говоря, почти не переживал из-за того, что все так вышло. Наоборот, это послужило хорошим уроком, хотя и добавило жесткости и цинизма. Долгие годы после этого я не позволял себе терять голову из-за женщины, предпочитая устанавливать свои правила.

После я несколько раз встречал Флор на светских мероприятиях и молодежных развлекательных вечерах, которые мы раньше посещали вместе. Всякий раз она старалась заговорить, пылко и страстно извиняясь и утверждая, что на нее нашло помешательство, она совершила глупость, и я обязан ее простить, хватала за руки и заискивающе заглядывала в лицо. Но у меня будто пелена с глаз упала. Я смотрел на нее равнодушно, как на пустое место, и удивлялся, что чуть не связал судьбу с этой женщиной, в которой нет ничего привлекательного. А она, видя это, не находила себе места, то требовала, то закатывала прилюдные сцены, отчего появлялось стойкое желание ее придушить, то слезно молила.

Я, признаться, порядком устал от этой публичной демонстрации, зная, что являюсь главным объектом слухов в обществе, где привык проводить время. Конечно, это было неприятно и весьма раздражало, хотя внешне я старался оставаться невозмутимым, не желая никому доставлять удовольствие срывом. Тогда я поклялся, что ни одна женщина больше не сделает из меня посмешище и обманутого дурачка. Эта страница перевернута.

Вскоре я нашел новое развлечение без обязательств, с которой провел несколько весьма нескучных ночей, и от которой без сожаления переключился на следующую. Не слушая ни жалоб, ни претензий, ни даже угроз расправы от родственников и покровителей, я менял девушек, как говорится, как перчатки.

Конечно, не все романы проходили без последствий. Несмотря на возросшую свободу нравов, всегда оставался риск мести отвергнутых, а, значит, и обиженных красоток.

Что и говорить, взрослая жизнь – это не безмятежное детство и не самоуверенная юность. Вполне вероятно, что именно непривычный к ударам судьбы, я и переживал внезапные оплеухи гораздо болезненнее. К примеру, вскоре произошел случай, изменивший мое более чем пренебрежительное отношение к любовницам.

Дорогая сестренка умудрилась по уши влюбиться в какого-то прощелыгу, совершенно ей не подходящего. Эту новость сообщила расстроенная мама, придя ко мне в офис посреди рабочего дня, чего прежде себе не позволяла. Уже этот факт убедил, – дело весьма серьезное. Мама сообщила, что Ноэми познакомилась с молодым студентом в парке во время прогулки и совершенно потеряла голову.

Отец, отчаявшись образумить дочь, сведенную с ума проснувшейся чувственностью юной девушки и шармом соблазнителя, собирался отправить ее от греха подальше в Бельгию к родственникам, но милая и послушная девочка неожиданно проявила поразительное упрямство и настойчивость, заявив, что сделала свой выбор, и никто ей не указ. В поисках выхода отец даже познакомился с парнем, готовый пойти на уступки.

Ноэми была непреклонна. Она всерьез собиралась замуж за этого пройдоху, утверждала, что, если отец не даст согласия и благословения, она сбежит с любимым на край света. Поставленные в тупик подростковым максимализмом, родители пришли в отчаяние. Жених не произвел на них должного впечатления, скорее, наоборот – вызвал стойкую неприязнь. Лощеный, развязно-грубоватый хлыщ не был подходящей парой нашей очаровательной наивной Ноэми.

И вот мама умоляла меня сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить беду. Разумеется, она могла и не просить. Еще во время разговора у меня кулаки сжимались так, что пальцы сводило. Никто не посмеет дотронуться до моей маленькой сестренки без отцовского и моего одобрения. Я пообещал, что непременно разберусь с этим в самые кратчайшие сроки.

«Счастливым избранником» оказался Митчелл Кларк. Что-то забрезжило в мозгу, кажется, я недавно слышал эту фамилию. Но где? Тщательно порывшись в памяти, вспомнил, что такую же носила одна из моих недавних любовниц – Лаура Кларк, англичанка, с которой я провел чуть больше недели, и которая бурно отреагировала на заявление о нашем расставании.

Выяснить все об этом Митчелле не составило труда. Вскоре на руках было полное досье на похотливого юнца, раскатавшего губы на Ноэми. В основном ничего примечательного – студент технического колледжа, двадцать один год, из обычной семьи с достатком. Не элита, но и не низ общества. Отец из правительственных служащих, мелкая сошка. Главным неприятным фактом его биографии оказалось, что он как раз и являлся родным братом недавно покинутой мною Лауры. Было ли это простым совпадением? Сильно сомневался.

Не откладывая дела в долгий ящик, следующим вечером я поджидал неподалеку от нашего дома в Бельвиле, когда «жених» уходил после свидания с Ноэми. «По крайней мере, пока он ухаживает по всем правилам», – мелькнуло в голове, но червяк сомнения и подозрительности не прекратил грызть душу.

Как ни крути, а этот Кларк вовсе не пара моей сестре, она достойна самого лучшего, а это точно не он. Выждав, пока он вразвалочку и насвистывая не поравняется со мной, я вышел из тени большого тополя и окликнул его. Парень обернулся, и в его светлых глазах забрезжил недобрый огонек узнавания. Кажется, я в нем не ошибся.

– Надо же, сам Джори Ансело, – нараспев произнес он. – Наслышан.

Конечно, сестра ему, видно, все обо мне поведала.

– Ну, и что ты от меня хочешь? – спросил он в лоб.

– Я хочу, чтобы ты забыл дорогу к этому дому, – ответил я спокойно. Конечно, не надеялся, что он сразу согласится, но с чего-то же надо начать.

Митчелл рассмеялся злым ироничным смехом.

– Ну, что ты, друг! Как я могу? Малышка Ноэми так искренне меня любит, разве я могу бросить ее, это не по-джентельменски.

Меня вновь окатило бешенством, с таким пренебрежением он говорил о моей сестренке. Захотелось прямо сейчас размазать его слащавую физиономию по асфальту. И что только глупышка нашла в нем? Наверняка задурил ей голову всякой лирическо-амурной ерундой. Девушки в ее возрасте, начитавшись романов, верят кому попало, ведясь на сладкие речи кавалеров. Но он ведь не просто так мне это говорит, явно намекает на Лауру.

– Ты же не собираешься на самом деле жениться на моей сестре, ведь так? – спросил я, собрав в кулак остатки вежливости.

– Ну, разумеется, нет. Что я – полный болван? Она, конечно, милашка и состояние у нее неплохое, благодаря вашему папаше, но у меня другие планы. Я, знаешь ли, почти уговорил ее не ждать свадьбы, ссылаясь на прогрессивные взгляды современной молодежи и давя на бунтарский дух ее возраста. Вскоре ты в полной мере поймешь, что чувствовал я, когда Лаура рыдала на моем плече после того как ты ее бросил.

Он говорил с такой злостью и ненавистью, что я ни на секунду не усомнился в его словах. Он точно сделает то, что задумал. Красная пелена ярости застилала глаза, но из последних сил я сдержался и попытался еще раз воззвать к голосу разума:

– Твоя сестра не была целомудренной девицей. Я у нее не первый и не покушался на ее честь, не совращал, она прекрасно осознавала, что делает. А Ноэми – еще ребенок, чистый и невинный, а ты пытаешься сломать ей жизнь!

– Это все неважно! – в бешенстве выплюнул он. – Лаура не шлюха, чтобы ей попользоваться и вышвырнуть за ненадобностью. После того, как ты наигрался, она три дня с постели не вставала. А ты в это время уже вовсю развлекался с новой девкой! Теперь ты узнаешь, что чувствует в таком случае брат, поймешь, когда крошка сестренка будет поливать слезами твой модный пиджак.

Сдерживаться не было никакой возможности. Я резко с силой впечатал кулак в его наглую физиономию. Митчелл упал, из разбитого носа потекла кровь. Но он тут же оказался на ногах и с не меньшей агрессией бросился в драку. Мы молотили друг друга с бешенством диких зверей, все воспитание и манеры забылись напрочь, мысли улетучились, остались только злость и ненависть. Мы катались по земле, рыча и избивая друг друга.

Силы были почти равны. Неизвестно до чего бы дошло, если бы прохожая, испуганно вскрикнув, не начала громко звать жандармов. Вскоре раздалась трель свистка, и два дюжих блюстителя порядка растащили нас в разные стороны. Одежда висела клочьями, мы тяжело дышали, но продолжали буравить друг друга горящими взглядами. Я был основательно избит, лицо в крови, – я чувствовал стальной привкус во рту. Синяков и на теле явно хватало, но враг выглядел ничуть не лучше.

Эту ночь мы провели в жандармерии. Даже проклятьями не могли осыпать друг друга, потому что казематы находились на противоположных сторонах длинного коридора. Очевидно, чтобы ночь прошла спокойно, а не под аккомпанемент ругани. Я глубоко вздохнул и улегся на единственный в камере предмет мебели – жесткую узкую кушетку, приготовившись к бессоннице. Заснуть в таких условиях не было никакой возможности. Ужасно болела голова – возможно, сотрясение. Ныла каждая кость, однако появилась масса времени, чтобы подумать.

Во-первых, я поступил опрометчиво, уличная драка могла изрядно подмочить репутацию юриста. Утром обязательно нужно посредством взяток заткнуть рты кому следует, чтобы информация не просочилась в прессу. Да и вел я себя, надо признать, не лучшим образом.

Аристократ, джентльмен с безупречным воспитанием машет кулаками, как портовый грузчик, едва ли не на потеху прохожим! Недопустимо. Похоже, я слишком многое в характере унаследовал от деда – авантюриста и вспыльчивого бретера Луи Д`Ансело. Конечно, спустить подобного оскорбления наглецу я не мог. Но в будущем стоит поработать над выдержкой и самообладанием.

Во-вторых, осознал неправоту относительно отвергнутой девушки и справедливость обвинений по этому поводу. какой бы сволочью ни был этот Митчелл Кларк, как бы подло ни собирался он поступить, в одном он прав. И мне пришлось это признать. Он действительно оказался братом страдающей девушки. А ведь каждая из моих мимолетных увлечений кому-то дочь или сестра. И, поставив себя на их место, прочувствовав все, что, возможно, ощущали их родные, я понял, что вел себя по-свински, даже не задумываясь о чувствах брошенных бедняжек.

Конечно, я не мог исправить содеянного, но вполне мог не совершать подобных ошибок впредь. К счастью, свободномыслящих и раскрепощенных красавиц встречалось в эмансипированном обществе более, чем достаточно, поэтому одному скучать не придется. Да и стоит смягчать разрыв, делая его не таким болезненным для девушек. С моими дипломатическими талантами это не составит особого труда.

Наутро нас выпустили, выписав штрафы за нарушение общественного порядка. Так как пьяными мы не были, то отделались сравнительно дешево. Приведя себя в порядок, насколько возможно, я отправился в родительский дом и все рассказал Ноэми и отцу с матерью.

Бедная сестренка! Она ни на секунду не усомнилась в моих словах, за что я ей очень благодарен. У нас всегда были самые доверительные отношения, она безоговорочно поверила, несмотря на то, что очень увлеклась негодяем. Как бы хотелось помочь ей хоть чем-нибудь! Облегчить страдания. Ведь она пострадала из-за моей распущенности и необдуманных поступков, но при этом не винила ни в чем.

Однако сволочь Митчелл ошибся, говоря про слезы. Ноэми не заплакала при нас, только, побледнев как полотно и закусив губу, дрожащим голосом попросила разрешения уйти к себе. У меня сердце разрывалось. Но необратимое все же удалось пресечь, теперь она ни за что не согласится даже увидеться с Кларком. И от этого становилось несравнимо легче. Ноэми сильная девочка, хоть и возраст довольно сложный. Она разумная и точно справится, я не сомневался.

С отцом мы до сих пор не разговаривали, поэтому он ни слова не сказал, только взгляд говорил об огромном облегчении и признательности. Представляю, как он извелся за последнее время. Отдать любимую дочурку более чем недостойному мужчине – выше отцовских сил. А мама со слезами на глазах, глядя на мои синяки и ссадины, умоляла вновь остаться дома. Она так и не могла смириться, что ее мальчик где-то один, и о нем некому заботиться. Но сказав ей несколько банальностей в утешение, я упрямо вернулся к себе.

Глава 8

1912–1913 гг. (Париж)

Жизнь вошла в прежнее русло. Я выполнил обещание, став более разборчивым с выбором любовниц. Небольшое усилие с моей стороны, иногда скромный прощальный подарок действительно помогали им смириться с горечью расставания.

Выполнив несколько серьезных заказов, вместо съемного жилья я приобрел квартиру в престижном районе, поскольку материальное положение уже позволяло. Поселился я на знаменитой Рю де ла Пэ, недалеко от Вандомской площади. Улицу эту кто-то назвал «ярмаркой тщеславия», попав в цель. Лучшие магазины парфюма, моды и ювелирных изделий превратили ее в воплощение французской изысканности и шика.

При покупке я оформил собственность на имя сестренки. Тогда я подумал, что, женившись со временем, куплю дом, как когда-то сделал отец, а у Ноэми будет свое жилье.

Но через три месяца после событий с мерзавцем Кларком привычный мир рухнул. Я узнал о тяжелой болезни сестры, а вскоре и мамы. В Париже свирепствовала вспышка менингита, которая не обошла и нашу семью. Конечно, забыв обиды, я вернулся к отцу. Были приложены все усилия, привлечены лучшие врачи, но вскоре мы остались вдвоем. Ноэми и мама умерли в больнице одна за другой. Это стало тяжелейшим ударом для обоих. Отца буквально убило горем. В одночасье он постарел на десяток лет, груз трагедии пригнул его к земле.

Мне тоже было тяжело, но он выглядел раздавленным. На посеревшем от страдания лице, казалось, не осталось жизни. Только сейчас я по-настоящему понял, как он любил нас. Как же стыдно теперь за два года отсутствия и за страдания, которые причинял родным. Если бы только вернуть все назад, я ведь мог провести это время с близкими, а не растрачивать на тех, кто этого абсолютно не достоин. Особенно мучили три последних месяца, ведь после истории с негодяем Кларком Ноэми особенно нуждалась в поддержке, и, кто знает, не переживай она так сильно, может, и миновала бы ее болезнь.

Именно в это страшное время огромную поддержку оказывали друзья. Выяснилось, что очень многие любили наших близких и хотели выразить соболезнования: коллеги и друзья отца, соседи, прихожане церкви Сен-Жан-Батист-де-Бельвиль и члены маминого благотворительного клуба, подруги Ноэми. Конечно же, в Париж приехали бельгийские родственники мамы, а также близкий друг отца Гюстав Легрант с супругой.

Практически все организационные хлопоты мне пришлось взять на себя. Отец совершенно погрузился в горе и почти ничего не замечал вокруг. Помощь Золтана и Луки, которые в эти скорбные дни постоянно находились рядом, оказалась просто неоценима. Пришлось держаться и, несмотря на то, что сам был эти дни как в тумане, вместе с ними решить все вопросы.

После того, как половина семьи нашла успокоение в склепе Ансело, часами мы сидели с отцом в темной пустой гостиной осиротевшего дома, не разговаривая, не глядя друг на друга, думая о том, как много потеряли. Порой, в периоды особенно острого отчаяния, казалось, что мы не выберемся из трясины скорби, и никогда жизнь уже не наладится и не принесет ни капли радости.

Друзья поддерживали как могли. Чета Легрант после похорон задержалась в городе на несколько дней, стараясь не дать отцу утонуть в пучине скорби. Даже Золтан и Лука, пожалуй, впервые забыли о взаимной неприязни. Понимая, как мне сейчас непросто, в один из таких вечеров, когда Гюстав с женой уговорили отца выйти в парк, чтобы заставить хоть немного двигаться, мы, устроившись в гостиной, пили и вели неторопливые разговоры о жизни, вспоминали прошлое и даже говорили о будущем.

Возможно, так мы постепенно и восстановились бы, но вскоре после похорон у меня тоже появились симптомы менингита. Казалось, отец не сумеет справиться со злым роком,

но он, вопреки всему, отбросив отчаяние, начал действовать решительно. Отпустив прислугу, чтобы избежать заражения, совершенно не задумываясь о возможном риске, взял все заботы о больном на себя.

Не представляю, сколько времени я провел, страдая от невыносимой головной боли, периодически впадая в тяжелое забытье. Краем ускользающего сознания я понимал, что вскоре встречусь с мамой и сестрой, оставив Гаэтана совсем одного. И в определенный момент начал мечтать об этом, изнемогая от адских мук. Как вдруг все внезапно закончилось.

Я не сразу сообразил, умер я или перестал что-либо чувствовать в предсмертной агонии, но зато отчетливо слышал тихие голоса у двери спальни. Один из них, мой отец, горячо благодарил второго, обладателя незнакомого холодного и высокомерного голоса, называя его лордом Гэбриэлом. Смысл разговора ускользал от изнуренного сознания, но главным было то, что вскоре я, полностью здоровый, обнимал счастливого отца.

Не подозревающий, что я слышал большую часть разговора, отец не ответил, кем был таинственный гость. Я счел благоразумным не настаивать, видя, что родитель находится на грани. Когда вымотанный бессонными сутками и нервным напряжением он задремал на диване в гостиной, я отправился в кабинет и, устроившись в кресле, глубоко задумался.

Вырос я слишком прагматичным, чтобы поверить в чудо, поэтому принялся анализировать информацию, полученную из обрывка разговора отца и его посетителя. Кем мог оказаться этот мужчина? Гениальным врачом? Чудо-целителем, наподобие библейского Сына Божьего? Великим ученым, единственным нашедшим лекарство от страшной болезни, унесшей многие тысячи жизней?

Уверен, прежде мне не приходилось слышать голос, более присущий древнему императору, чем доктору. Да и способ излечения вызывал большие сомнения. Перед уходом мужчина предупредил отца, что он должен проконтролировать, чтобы ничего не случилось, пока в моем организме его кровь. Более чем странное лекарство, на мой взгляд. Ну, и апогеем подозрениям стал отказ отца что-либо объяснять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.